E61 — 199

1709.

Gedi.

УЧЕНИЧЕСКАЯ
БИБЛІОТЕКА
Отд. II. III. 139
САМ. РЕАЛЬН. УЧИЛИЩА.

721

781

САМАР. РЕАЛ. УЧИЛИЩА.
УЧЕНИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА
567
731

Е61
199
9/471
1941 г.
5 67
№ 89929
УЧЕНИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА
Отд. Ст. III. 139.
САМ. РЕАЛЬН. УЧИЛИЩА.
УЧЕНИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА САМАРСКАГО РЕАЛЬНАГО УЧИЛИЩА

ЦАРСТВОВАНІЕ

ИМПЕРАТОРА

НИКОЛАЯ I.

СОСТАВИЛЪ
М. П. Романовъ.

ИЗДАНІЕ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА
„ДОСУГЪ и ДѢЛО“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“, Б. Подъяч., № 39.
1889.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РОССИИ
31710 1992 ГОД

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 11 Марта 1889 г.

ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Рожденіе Николая Павловича.—Его любовь къ военному дѣлу.—Смерть Императора Александра I.

Тридцать лѣтъ продолжалось славное царствованіе Императора Николая I среди благословеній мира и громовъ войны; въ законодательствѣ и судѣ, въ дѣлѣ внутренняго образованія и внѣшняго возвеличенія Россіи вездѣ и всегда Императоръ Николай былъ на стражѣ ея чести, ея отцомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ первымъ и преданнѣйшимъ ея сыномъ. «Если буду Императоромъ хоть на одинъ часъ, то покажу, что былъ того достоинъ», сказалъ Императоръ передъ своимъ вступленіемъ на престолъ. «Я умираю», писалъ онъ въ своемъ завѣщаніи, «съ пламенной любовью къ нашей славной Россіи, которой служилъ, по крайнему моему разумѣнію, вѣрой и правдой; жалѣю, что не могъ произвести того добра, котораго столь искренно желалъ».

Человѣкъ не можетъ всего; Императоръ Николай исполнилъ все, что возможно для одного человѣка.

Въ послѣдній годъ царствованія Императрицы Екатерины Великой, 25-го іюня 1796 года тогдашній наслѣдникъ престола, Цесаревичъ и великій князь Павелъ Петровичъ былъ обрадованъ рожденіемъ третьяго сына, великаго князя Николая Павловича. Существуетъ преданіе, что Императрица Екатерина извѣщала одну важную особу о рожденіи Николая Павловича слѣдующими словами: «Богъ далъ мнѣ третьяго внука. Ребенокъ большой, сильный, живой—быть ему Царемъ, хотя онъ и имѣетъ двухъ старшихъ братьевъ».

Императоръ Павелъ Петровичъ, на другой день по вступленіи на престолъ (7-го ноября 1796 г.), назначилъ Николая Павловича шефомъ лейбъ-гвардіи Коннаго полка; въ 1800 году шефомъ Коннаго полка назначенъ Константинъ Павловичъ, а Николай Павло-

вичъ зачисленъ въ Измайловскій полкъ, и носилъ званіе шефа полка до самой кончины.

О воспитаніи великихъ князей имѣла особое попеченіе Августѣйшая ихъ родительница, Марія Ѳеодоровна, имя которой произносится съ благоговѣніемъ каждымъ русскимъ, при воспоминаніи о ея добродѣтеляхъ и многочисленныхъ человѣколюбивыхъ учрежденіяхъ [1]), въ которыхъ бѣдствующіе и несчастные понынѣ находятъ пріютъ и утѣшеніе.

Воспитательницею Николая Павловича Марія Ѳеодоровна назначила графиню Ливенъ, относившуюся къ дѣлу воспитанія съ замѣчательной любовью и самоотверженіемъ и заслужившую при Дворѣ всеобщее уваженіе. Воспитателемъ великихъ князей Николая и Михаила былъ генералъ Ламсдорфъ.

Великіе князья жили въ Гатчинѣ, гдѣ, вдали отъ развлеченій и шума свѣтскаго, готовились къ исполненію высокихъ обязанностей своего сана.

Для Николая, обладавшаго превосходною памятью, уроки наставниковъ не остались безплодными; съ особеннымъ вниманіемъ онъ изучалъ военныя науки и вообще предметы практически полезные. Въ десять лѣтъ онъ не только зналъ наизустъ событія изъ военной исторіи Россіи, но и умѣлъ ихъ объяснять съ такою вѣрностью, какой нельзя было ожидать отъ десятилѣтняго мальчика. Его также очень интересовала исторія Франціи; онъ питалъ понятную симпатію къ генералу Бонапарте—къ великому полководцу, который, достигнувъ власти, явился спасителемъ отечества. Лучшая изъ его побѣдъ была—водвореніе порядка и мира тамъ, гдѣ были безвластіе и безначаліе.

«Король Людовикъ XVI не исполнилъ своей обязанности и былъ за то наказанъ»,—говорилъ юный великій князь. «Быть милосернымъ—не значитъ быть слабымъ; но государь не имѣетъ права прощать врагамъ государства».

Оба великіе князя съ малолѣтства занимались гимнастическими упражненіями, въ которыхъ перевѣсъ всегда оставался на сторонѣ Николая. Военное призваніе его обнаруживалось еще съ дѣтства: онъ съ наслажденіемъ прислушивался къ разсказамъ о войнахъ и

[1]) Вѣдомству Императрицы Маріи принадлежатъ: женскіе институты, училища и гимназіи, и многія благотворительныя заведенія и учрежденія.

сраженіяхъ. Быть въ мундирѣ Измайловскаго полка было для него истинное счастье. По мѣрѣ того, какъ великій князь входилъ въ лѣта, военныя наклонности его высказывались болѣе серьезнымъ образомъ.

Въ 1812 году, при вторженіи Наполеона въ Россію, Николаю минуло 16 лѣтъ, а Михаилу 15. Они жаловались родительницѣ своей, что имъ не позволяютъ стать въ ряды защитниковъ отечества. «Мнѣ стыдно, говорилъ Николай, видѣть себя безполезнымъ на землѣ существомъ, непригоднымъ даже для того, чтобы умереть смертью храбраго на полѣ битвы».

Наконецъ Императоръ Александръ разрѣшилъ великому князю прибыть въ дѣйствующую армію; но онъ не принималъ участія въ сраженіяхъ. На воспріимчивую душу Николая Павловича эта кампанія, въ которой Наполеонъ проявилъ въ полномъ блескѣ свои геніальныя способности полководца, произвела глубокое впечатлѣніе. Великому князю не удалось участвовать въ торжествѣ вступленія своего брата-миротворца въ покоренную столицу Франціи. Онъ пріѣхалъ въ Парижъ только 16-го мая 1814 года, осмотрѣлъ бо́льшую часть парижскихъ зданій, а также и Домъ Инвалидовъ. Видъ изувѣченныхъ солдатъ растрогалъ молодыхъ великихъ князей. «Въ какомъ сраженіи вы ранены?» спросилъ Николай у одного сержанта, еле-передвигавшагося на костыляхъ и лицо котораго исчерчено было сабельными ударами. «При переправѣ черезъ Березину», отвѣчалъ инвалидъ. «Это казаки такъ отпотчивали меня, ну, положимъ, и я не остался у нихъ въ долгу, но подѣломъ: зачѣмъ ходили мы въ вашу Россію? Вотъ земля! Отстояла сама себя! Ни у кого не просила помощи! Войти-то въ нее, пожалуй, и можно, а выйти—не выйдешь; а если и выйдешь—такъ, какъ я, на инвалидное содержаніе».

На блистательномъ смотру подъ Вертю, 20-го августа 1815 года, великій князь Николай командовалъ бригадою 3-й гренадерской дивизіи и удостоился всеобщей похвалы. Великіе князья возвращались въ Россію черезъ Голландію и Германію, посѣтили Брюссель, Гагу, Амстердамъ и Саардамъ (гдѣ работалъ на верфи Императоръ Петръ Великій). Въ Швейцаріи великіе князья встрѣтили Прусскаго короля и оттуда отправились въ Берлинъ. Между Высочайшими семействами давно было рѣшено женить Николая на прусской принцессѣ Шарлоттѣ; но они, даже не зная этого, дали слово принадлежать другъ другу. Послѣ вторичнаго возвращенія

изъ Парижа послѣдовала помолвка великаго князя Николая съ принцессою Шарлоттою. Въ 1816 году Николай получилъ отъ Государя порученіе на Донъ и въ Новороссійскій край. 15-го іюля, онъ, присутствуя въ Николаевѣ при спускѣ 74-хъ пушечнаго корабля, сказалъ: «Мы присутствуемъ при созданіи нашего черноморскаго флота: помолимся Богу, чтобы этотъ флотъ преуспѣвалъ быстро и чтобы вообще наши морскія силы не имѣли, въ скоромъ времени, ни въ чемъ завидовать флотамъ Англіи и Франціи». Вернувшись въ Москву, гдѣ въ то время былъ Императоръ, великій князь Николай предпринялъ, по желанію Августѣйшаго брата, путешествіе въ Англію для довершенія своего политическаго образованія. Онъ поѣхалъ черезъ Берлинъ, гдѣ провелъ нѣкоторое время со своею невѣстою, затѣмъ пріѣхалъ въ Парижъ, а оттуда чрезъ Кале, на кораблѣ, въ Англію, гдѣ осмотрѣлъ все достопримѣчательное.

9-го іюня 1817 года послѣдовалъ торжественный въѣздъ принцессы Шарлотты въ Россію и, послѣ принятія ею православія и вмѣстѣ съ нареченіемъ Александрой, 1-го іюля былъ совершенъ обрядъ бракосочетанія. Въ этотъ день Государь назначилъ великаго князя Николая шефомъ л.-гв. Сапернаго баталіона и генералъ-инспекторомъ по инженерной части, и подарилъ новобрачнымъ Аничковскій дворецъ, гдѣ, наслаждаясь радостями семейной и частной жизни, Николай Павловичъ, въ то же время строго и неусыпно исполнялъ служебныя свои обязанности, подавая примѣръ своимъ сослуживцамъ и подчиненнымъ. Великій князь вполнѣ предался ввѣренной ему новой части, почти ежедневно бывалъ въ лагерѣ и присутствовалъ при работахъ, производимыхъ саперами. Обративъ вниманіе на техническое образованіе нижнихъ чиновъ, онъ требовалъ, чтобы рядовые, представляемые къ производству въ унтеръ-офицеры, знали читать, писать и первыя правила ариѳметики. Съ этою цѣлью были заведены школы и потомъ, въ августѣ 1818 года, изданы «Положеніе о саперныхъ школахъ» и «Наставленіе для обученія и занятія саперныхъ и піонерныхъ батальоновъ». Наставленіе это впослѣдствіи послужило основаніемъ для Воинскаго Устава, которымъ понынѣ руководствуются наши войска. Около того же времени основано имъ Главное Инженерное училище (нынѣ Николаевская инженерная академія), изъ котораго впослѣдствіи вышли достойные офицеры.

Императоръ Александръ часто думалъ о смерти и не разъ на-

мекалъ о желаніи отречься отъ престола. Цесаревичъ Константинъ, какъ женившійся на княгинѣ Ловичъ (особѣ не-царскаго происхожденіи), терялъ по закону право престолонаслѣдія и самъ лично рѣшительно отказывался отъ наслѣдія. Государь имѣлъ въ виду назначить своимъ преемникомъ великаго князя Николая (такъ какъ дѣтей не имѣлъ), но никогда не говорилъ ему объ этомъ; но, судя по той заботливости о всестороннемъ образованіи великаго князя, видно было, что онъ его готовитъ къ тому. 13-го августа, Государь, уѣзжая, возложилъ на него обязанность содѣйствовать Императрицѣ-матери во всѣхъ обстоятельствахъ, гдѣ должна быть олицетворена императорская власть, сказавъ: «Тебѣ надобно пріучаться къ ремеслу Императора; кто знаетъ, что можетъ случиться». Въ отсутствіе Императора, великій князь завѣдывалъ государственными дѣлами; при Дворѣ на него смотрѣли какъ на представителя верховной власти. По желанію Императора, великая княгиня Александра Ѳеодоровна переѣхала въ Москву, гдѣ разрѣшилась отъ бремени, въ Кремлевскомъ дворцѣ, сыномъ, великимъ княземъ Александромъ Николаевичемъ.

14-го января 1822 года Цесаревичъ Константинъ формальнымъ письмомъ къ Государю отказался отъ престолонаслѣдія, вслѣдствіе чего, по приказанію Государя, архіепископомъ московскимъ Филаретомъ былъ составленъ актъ отреченія Цесаревича Константина и манифестъ Государя о назначеніи своимъ Наслѣдникомъ великаго князя Николая. Этотъ актъ и манифестъ до времени не были обнародованы, а хранились подлинники — въ Успенскомъ соборѣ въ Москвѣ, а копіи—въ государственномъ совѣтѣ, сенатѣ и сунодѣ въ запечатанныхъ конвертахъ, на которыхъ была собственноручная Государя надпись: «Хранить до Моего востребованія, а въ случаѣ Моей смерти распечатать ранѣе всякаго другаго дѣйствія».

Императоръ Александръ I, въ послѣдніе годы своего царствованія, часто предпринималъ продолжительныя поѣздки для обозрѣнія отдаленныхъ областей своего обширнаго государства. Въ 1825 году, сопутствуя супругѣ своей Императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ, которая отправилась въ Таганрогъ, по совѣту врачей, полагавшихъ теплый климатъ полезнымъ для поправленія ея здоровья, Императоръ Александръ I посѣтилъ Крымъ, и, по возвращеніи въ Таганрогъ, слегъ въ постель, съ которой болѣе уже не вставалъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Вступленіе на престолъ.—Гражданскія дѣла.—Персидская война. — Блестящія побѣды и миръ.—Наваринскій бой.

15-го декабря 1825 года Императоръ Николай вступилъ на престолъ и принялъ въ тотъ же день званіе шефа полковъ: Преображенскаго, Семеновскаго, Измайловскаго и гвардейскаго Сапернаго баталіона.

Государь все свое время посвящалъ на благо отечества, трудился съ министрами, принималъ доклады, производилъ смотры и часто работалъ у себя въ кабинетѣ до поздней ночи, позволяя себѣ, какъ отдыхъ, ежедневную прогулку. Однажды, когда онъ совершалъ свою обыденную прогулку, къ нему приблизилась дама въ траурѣ и обратилась съ жалобой на неправильное рѣшеніе московскихъ департаментовъ сената.—Государь взялся быть ея адвокатомъ, и справедливость была возстановлена.

Еще задолго до вступленія на престолъ, Императоръ Николай былъ пораженъ медленностью уголовнаго и гражданскаго судопроизводства. Принявъ строгія мѣры при посредствѣ ревизій, онъ достигъ правды въ судахъ и скораго рѣшенія дѣлъ.

Еще при Императорѣ Александрѣ образовано было въ Петербургѣ Общество поощренія русскихъ художниковъ, для чего устраивались выставки и лоттереи, а на вырученныя деньги отправляли молодыхъ людей для ученія за границу. Императоръ Николай пожаловалъ этому Обществу 10,000 руб. ежегоднаго пособія. Труды Общества увѣнчались успѣхомъ; благодаря ему, у насъ выдѣлились художники: Брюловъ — живописецъ, снискавшій извѣстность и заграницей, Сѣряковъ—извѣстный граверъ, и многіе другіе. Императоръ Николай также покровительствовалъ и литераторамъ: онъ возвратилъ нашего даровитаго и всему міру извѣстнаго поэта Пушкина изъ изгнанія, сдѣлалъ Жуковскаго наставникомъ своего Наслѣд-

ника, а также восторгался, читая произведенія нашего знаменитаго писателя Гоголя.

Искорененіе взяточничества и мѣры противъ затягиванія дѣлъ въ судахъ были одною изъ завѣтныхъ идей Государя, когда онъ еще былъ великимъ княземъ. Онъ входилъ даже въ мелочи, и не было факта лихоимства, котораго онъ бы не узналъ и строго не наказалъ. На сколько онъ интересовался этимъ, указываетъ разсказываемое происшествіе: одинъ молодой человѣкъ, сынъ богатыхъ родителей, былъ взятъ за что-то ночью и посаженъ подъ арестъ. Отецъ его, узнавъ объ этомъ, явился къ полицейскому чиновнику и предложилъ ему довольно крупную сумму денегъ, прося освободить сына. Полицейскій пересчиталъ деньги и сказалъ: «Если бы вы мнѣ въ прошломъ году предложили десятую часть этихъ денегъ, я сдѣлалъ бы все, а нынѣче если бы во 100 разъ увеличили сумму, я не возьму, потому что Государь будетъ это знать черезъ часъ». Изъ рескрипта Государя министру юстиціи, князю Лобанову-Ростовскому видно, что изъ числа 2.850.000 дѣлъ, бывшихъ въ теченіе 1826 года нерѣшенными, осталось ничтожное количество, а изъ числа отданныхъ подъ судъ 127,000 человѣкъ осталось только 4,900, что́ показываетъ энергію и старанія какъ министра, такъ и его подчиненныхъ.

Императоръ Николай только что началъ царствовать, но уже во всѣхъ своихъ распоряженіяхъ и принятыхъ мѣрахъ выказалъ много твердой воли. Вся Европа увидѣла въ немъ достойнаго преемника Александра, и перевѣсъ въ общей политикѣ, пріобрѣтенный новымъ Императоромъ, не замедлилъ обнаружиться.

21-го апрѣля 1826 г. обнародованъ былъ Высочайшій манифестъ о совершеніи обряда коронованія, на которое съѣхались представители всѣхъ европейскихъ дворовъ; 25-го послѣдовало торжественное вступленіе Императора въ Москву, а 26-го августа было совершено коронованіе.

Во внѣшнихъ дѣлахъ Императоръ высказалъ много твердой воли. Отправляя своихъ уполномоченныхъ въ Турцію, онъ сказалъ: «Для меня довольно существующихъ трактатовъ, лишь бы они были хорошо понимаемы и вѣрно исполняемы; Я вовсе не думаю дѣлать шага впередъ, но и назадъ не сдѣлаю никогда ни одного шага». Еще въ бытность свою въ Москвѣ, 16-го сентября, Николай Павловичъ, оскорбленный поступками Персіи, объявилъ ей войну.

Въ 1813 г. былъ заключенъ въ Гюлистанѣ мирный договоръ съ шахомъ персидскимъ, признавшимъ границею обоихъ государствъ ту линію, которую занимала русская армія при заключеніи договора. Но персіяне, по прекращеніи уже военныхъ дѣйствій, заняли часть Карабахскаго ханства, принадлежавшаго намъ съ давняго времени, вслѣдствіе чего и наши войска заняли часть персидской земли. Императоръ Николай, желая мирно окончить дѣло, отправилъ въ 1826 году въ Персію для переговоровъ князя Меньшикова. На пути своемъ онъ узналъ, что персидскія войска уже направились къ русскимъ границамъ.

Всѣ усилія князя Меньшикова отсрочить переговорами начатіе военныхъ дѣйствій были напрасны. Шахъ далъ повелѣніе содержать его подъ карауломъ. Аббасъ-Мирза 6-го іюля отправился къ арміи для сосредоточенія персидскихъ войскъ на Карабахской нашей границѣ. Тогда англійскій повѣренный въ дѣлахъ, г. Виллокъ запретилъ всѣмъ унтеръ-офицерамъ его націи, обучавшимъ персіянъ военному дѣлу, слѣдовать за персидскимъ войскомъ, и объявилъ шаху, что какъ скоро онъ двинется съ арміею за границу, англійскій повѣренный оставитъ его дворъ. Это предложеніе нѣсколько подѣйствовало; но непредвидѣнное обстоятельство разрушило всѣ надежды на сохраненіе мира. Возмутившійся ханъ Талышинскій, вырѣзавъ небольшой русскій гарнизонъ въ Аркеванѣ, потребовалъ помощи изъ Персіи для овладѣнія Ленкораномъ. Князь Меньшиковъ, 3-го августа, былъ вторично задержанъ въ Эривани, и только послѣ 25-тидневнаго заключенія получилъ позволеніе продолжать путь. Подобное оскорбленіе Россіи, въ лицѣ ея посланника, требовало возмездія.

Персіяне вторглись въ наши предѣлы безъ объявленія войны. Аббасъ-Мирза, съ арміею отъ 30—40,000 человѣкъ, вступилъ въ принадлежащія намъ ханства Талышинское и Карабахское. Но вскорѣ персіяне были наказаны за свою дерзость.

Въ ожиданіи сбора всего Кавказскаго корпуса подъ Тифлисомъ, главнокомандовавшій на Кавказѣ генералъ-отъ-инфантеріи Ермоловъ приказалъ генералу князю Мадатову разсѣять передовыя войска персіянъ. Мадатовъ, начальствуя незначительнымъ отрядомъ, обратилъ въ бѣгство весь отрядъ, захвативъ крѣпость Елизаветполь, при занятіи которой достался намъ въ добычу непріятельскій лагерь и большое количество провіанта, пороху и свинцу. Въ это

время генералъ-адъютантъ Паскевичъ, принявшій начальство надъ войсками, дѣйствовавшими противъ персіянъ, получилъ приказаніе отъ генерала Ермолова соединиться съ отрядомъ князя Мадатова и оттѣснить непріятеля отъ русскихъ предѣловъ. Паскевичъ 13-го сентября встрѣтилъ персіянъ въ 7-ми верстахъ отъ Елизаветполя въ огромныхъ силахъ, вдесятеро превышавшихъ русскія войска. Послѣ кратковременнаго боя, непріятель былъ разбитъ на-голову и, потерявъ, кромѣ убитыхъ и раненыхъ, 1,100 плѣнныхъ, два лагеря, нѣсколько знаменъ, орудій и 80 зарядныхъ ящиковъ, въ безпорядкѣ отступилъ за рѣку Араксъ.

1-го октября, при проѣздѣ черезъ Тверскую губернію, на обратномъ пути изъ Москвы, Императоръ получилъ донесеніе о побѣдѣ генерала Паскевича. 6-го октября былъ торжественный въѣздъ Императора въ Петербургъ, куда черезъ двѣ недѣли были доставлены отбитыя у персіянъ знамена. Ихъ возили по городу при звукахъ трубъ.

Весною слѣдующаго 1827 года было получено радостное извѣстіе, что персіяне, понеся новое пораженіе на берегахъ Аракса, отбитые Красовскимъ отъ Эчміадзинскаго монастыря, принуждены были сдать неприступную крѣпость Эривань. Побѣдоносный Паскевичъ устремился за отступающимъ персидскимъ полководцемъ Аббассъ-Мирзою къ Таврису. Съ приближеніемъ войскъ нашихъ персіяне разбѣжались, городъ сдался безъ сопротивленія. Устрашенный шахъ сталъ молить о пощадѣ. Императоръ Николай даровалъ ему миръ, и 10-го февраля 1828 года, въ деревнѣ Туркменчаѣ, былъ заключенъ выгодный для имперіи мирный договоръ. Россія пріобрѣла ханства Эриванское и Нахичеванское, а сверхъ того получила 20 милліоновъ рублей серебромъ дани. Въ вознагражденіе заслугъ Паскевича, Императоръ пожаловалъ ему титулъ графа Эриванскаго.

По завоеваніи султаномъ Магометомъ II Восточной Греческой имперіи, откуда свѣтъ православной вѣры осѣнилъ наше отечество, значительная часть грековъ, тѣснимыхъ турками, удалилась на полуостровъ Морею; но оружіе побѣдителей настигло грековъ и тамъ. Обширныя страны, принадлежавшія Восточной Греческой имперіи,

во время владычества турокъ, пришли въ самое бѣдственное положеніе: изступленная ненависть побѣдителей къ христіанству и глубокое невѣжество ихъ, въ самое короткое время истребили всѣ плоды двадцативѣковаго просвѣщенія; благоустроенные и пышные города превратились въ груды развалинъ; исчезла промышленность, разливавшая на всѣхъ благосостояніе и богатство; погибли безвозвратно дивные памятники наукъ и искусствъ. Служеніе истинному Богу подверглось жестокому преслѣдованію; собственность побѣжденныхъ была добычею перваго хищника; имущество, пріобрѣтенное трудомъ, служило поводомъ неминуемой смерти владѣльца; жены и дочери предавались безчестію; шайки грабителей безнаказанно вырѣзывали, среди бѣлаго дня, цѣлыя селенія, не щадя ни пола, ни возраста. Болѣе трехъ съ половиною столѣтій несчастное народонаселеніе нигдѣ не находило защиты и правосудія, и томилось подъ самымъ тяжкимъ игомъ, доколѣ милосердному Богу угодно было послать Греціи защитниковъ въ лицѣ Россійскихъ Самодержцевъ. Императрица Екатерина II, принимая участіе въ бѣдственномъ положеніи единовѣрцевъ нашихъ, находящихся въ Турціи, неоднократно старалась облегчить ихъ участь. Императоръ Александръ Павловичъ вступался неоднократно и совѣтывалъ султану прекратить жестокости. Но всѣ усилія Россіи остановить безумное неистовство правительства турецкаго оказались напрасны. Султанъ издалъ хатти-шерифъ (манифестъ) о мщеніи всѣмъ христіанамъ. Дѣйствія сего манифеста были ужасны: чернь мусульманская вездѣ насыщала свое неистовство пролитіемъ крови грековъ. Патріархъ Константинопольскій, Григорій, не смотря на повиновеніе, оказанное султану, проклятіемъ грековъ, къ прискорбію христіанскаго міра, былъ позорно повѣшенъ на вратахъ патріаршаго жилища. Въ Адріанополѣ патріархъ Кириллъ и архіепископъ Паисій, со множествомъ купцовъ христіанскихъ, равномѣрно пали жертвами бѣшенства турокъ. Посланникъ нашъ, баронъ Строгоновъ, не получая удовлетворенія на жалобы и видя собственную жизнь свою въ опасности, оставилъ Константинополь въ апрѣлѣ 1821 года и со всею миссіею возвратился въ Россію.

Въ это самое время союзныя съ Россіей державы, Франція и Англія, равномѣрно дѣлали съ своей стороны всевозможныя усилія къ прекращенію бѣдственной войны между турками и греками; но

турки не слушали совѣтовъ христіанской Европы, и войну въ Морећ не только производили съ каждымъ днемъ свирѣпѣе и кровопролитнѣе, но стали угрожать и Сербіи, спокойной и вѣрной въ исполненіи обязанностей своихъ къ султану. Военное занятіе Молдавіи и Валахіи, вопреки всѣхъ договоровъ и обѣщаній, продолжалось. Вмѣсто льготъ и преимуществъ, обѣщанныхъ симъ княжествамъ условіями Бухарестскаго трактата, Турція обременила ихъ новыми налогами, утѣсняла и доводила до крайняго разоренія. Обязавшись препятствовать набѣгамъ кубанскихъ горцевъ, она, напротивъ, побуждала ихъ къ нападенію на Россію. Сверхъ этихъ непріязненныхъ дѣйствій, Турція останавливала русскія суда въ Босфорѣ и, захватывая грузы ихъ, нарушала тѣмъ обязательства свои по торговому трактату съ Россіею, заключенному въ 1783 году. Упорство Турціи въ войнѣ съ греками и явное нарушеніе ею святости постановленныхъ договоровъ, истощили наконецъ мѣру долготерпѣнія Императора Александра. Незадолго до своей кончины, въ октябрѣ 1825 года, онъ протестовалъ противъ дѣйствій турецкаго правительства и объявилъ, что рѣшается принудить Порту оружіемъ къ уваженію правъ Россіи.

Императоръ Николай Павловичъ, по вступленіи своемъ на престолъ, отправилъ въ Константинополь посланника своего, тайнаго совѣтника Рибопьера, предложить султану, вмѣстѣ съ англійскимъ посломъ, посредничество Россіи и Англіи въ примиреніи Турціи съ греками, на условіяхъ, выгодныхъ для обѣихъ сторонъ. Требованія этихъ державъ были поддержаны и французскимъ посланникомъ. Но султанъ Махмудъ не хотѣлъ и слышать о посредничествѣ, и объявивъ, что въ его власти казнить или миловать рабовъ непокорныхъ, далъ повелѣніе турецкимъ и египетскимъ войскамъ разорить въ конецъ Морею. Кровопролитіе возобновилось съ неимовѣрною жестокостью. Главнокомандующій силами оттоманскими, Ибрагимъ, не щадилъ ни возраста, ни пола, жегъ города и села, опустошалъ нивы и съ корнемъ вырывалъ маслиничныя деревья. Казалось, Грецію немпнуемо обратится въ безлюдную пустыню. Императоръ Николай еще сомнѣвался въ искренности Англіи, продолжавшей переговоры съ Турціей, но разсчитывалъ на честное содѣйствіе Франціи по вопросу объ освобожденіи Греціи.

9-го іюня Государь отплылъ изъ Петергофа на катерѣ въ

Кронштадтъ, гдѣ стоялъ нашъ флотъ. На другой день, въ три часа утра, флотъ снялся съ якоря и вышелъ въ море. На адмиральскомъ кораблѣ «Азовъ» взвился Императорскій штандартъ—всѣ батареи эскадры салютовали ему залпомъ изъ орудій — Кронштадтскія укрѣпленія отвѣчали на салютъ. Эскадра эта, которая должна была идти въ воды Греціи подъ начальствомъ адмирала Сенявина, состояла изъ 9 линейныхъ кораблей, 14 фрегатовъ и многихъ судовъ меньшаго ранга. Утромъ Государь, на катерѣ, объѣхалъ и въ подробности осмотрѣлъ всѣ суда, остался очень доволенъ и сказалъ: «Благодареніе Богу: въ царствованіе покойнаго Императора Александра Россія доказала, каковы ея сухопутныя войска; теперь она съ гордостью можетъ представить свой флотъ Европѣ». Послѣ полудня, прибыла изъ Ораніенбаума Императрица съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, в. кн. Михаиломъ и вел. княгинею Еленою Павловною. Всѣ отправились на фрегатъ «Россія»; тотчасъ же начались маневры флота близъ Красной горки. Вечеромъ, отсалютовавъ Государю, флотъ получилъ приказаніе вступить подъ паруса, и, не прежде чѣмъ послѣднія мачты скрылись на горизонтѣ, Государь возвратился въ Петергофъ.

Англія надѣялась склонить Императора Николая къ выжиданію въ греческомъ вопросѣ, и 28 іюня прислала важнаго сановника лорда Нейлера для поднесенія Его Величеству знаковъ высшаго ордена «Подвязки». Торжественно произошла эта церемонія; по окончаніи церемоніи Государь сказалъ, обращаясь къ лорду Нейлеру: «Передайте отъ меня августѣйшему главѣ ордена Подвязки (Георгъ IV король Англіи), что онъ всегда найдетъ во мнѣ добраго сподвижника и вѣрнаго кавалера».

Великіе интересы политики и приготовленія къ войнѣ съ Турціей не отвлекали однако Императора отъ внутренняго государственнаго устройства и изданія новыхъ законовъ для Россіи. Сановникъ Сперанскій, которому было поручено составленіе «Свода Законовъ», дѣйствующихъ и понынѣ, благодаря своимъ знаніямъ, пониманію дѣла и неусыпнымъ трудамъ, при сотрудничествѣ самаго Государя, къ іюлю мѣсяцу составилъ Полное Собраніе законовъ, основанное и выработанное на основаніи статей Уложенія Царя Алексѣя Михайловича, изданнаго въ 1649 году, и всѣхъ указовъ (числомъ 30,920), т. е. законовъ, изданныхъ до кончины императора Алек-

сандра I-го. Черезъ нѣсколько дней было приступлено къ печатанію Собранія законовъ, а Сперанскій, при лестномъ рескриптѣ Государя отъ 8-го іюля получилъ алмазные знаки ордена Александра Невскаго. Государь самъ хотѣлъ сообщить правительствующему сенату важное извѣстіе, что «Собраніе законовъ» составлено, и 22 августа неожиданно прибылъ въ присутственную залу. Его прибытіе произвело сильное впечатлѣніе на сенаторовъ, такъ какъ со времени Императора Павла они не видали посреди себя Главы государства. Государь сказалъ: «Господа, Я намѣренъ иногда пріѣзжать къ вамъ, безъ увѣдомленія, и засѣдать вмѣстѣ съ вами. Трудитесь усердно на пользу дорогаго нашего отечества, вы скоро получите облегченіе въ вашихъ трудахъ въ вѣрномъ руководствѣ полныхъ нашихъ законовъ, которое печатается».

Государь, имѣя въ виду дать большее развитіе торговлѣ, обратилъ вниманіе на пути сообщенія въ Россіи.

Вслѣдствіе переговоровъ съ Англіей, флотъ, вышедшій подъ командой адмирала Сенявина изъ Кронштадта, остановился въ Портсмутѣ, и только контръ-адмиралъ графъ Гейденъ съ 4-мя линейными кораблями, нѣсколькими фрегатами и судами меньшаго ранга, продолжалъ путь, чтобы въ греческихъ водахъ соединиться съ эскадрами англійскою и французскою. Остальная часть флота въ началѣ октября вернулась въ Кронштадтъ. Государь, въ день прихода эскадры, произвелъ ей смотръ, нашелъ все въ порядкѣ, благодарилъ адмирала Сенявина, и, обратившись къ матросамъ, сказалъ: «Ребята! скоро дойдетъ и до васъ очередь показать себя молодцами, и Я увѣренъ, что вы поддержите честь русскаго флага». Слова Государя были покрыты «рады стараться» и нескончаемымъ восторженнымъ «ура».

Три союзныя державы, желая положить предѣлъ жестокой враждѣ турокъ съ греками, заключили въ Лондонѣ, 24 іюня 1827 года, трактатъ, на основаніи коего было дано повелѣніе, находившимся тогда въ Средиземномъ морѣ тремъ союзнымъ эскадрамъ: русской, французской и англійской,—подъ начальствомъ графа Гейдена, Риньи и Кодрингтона, не допустить турецко-египетскаго флота къ опустошенію морей и прилежащихъ острововъ. Начальство надъ флотомъ принялъ вице-адмиралъ Кодрингтонъ, какъ старшій въ чинѣ.

Безусловное требованіе прекратить звѣрства, подписанное тремя адмиралами союзныхъ эскадръ, было послано Ибрагиму-пашѣ, главнокомандующему турецкими силами. Онъ даже не отвѣчалъ на него. Тогда, 8-го октября, около полудня, союзный флотъ вошелъ въ Наваринскую бухту, а около 2-хъ часовъ грянулъ громъ Наварина. Наваринская бухта обратилась въ адъ. Среди непроницаемаго мрака отъ пороховаго дыму, подъ перекрестнымъ огнемъ съ береговыхъ батарей, величественно и стройно вступила русская эскадра, въ грозномъ безмолвіи прошла подъ тучею ядеръ и, ставъ на пистолетный выстрѣлъ отъ непріятельской линіи, открыла по турецкимъ судамъ убійственный огонь. Адмиральскій корабль графа Гейдена, «Азовъ», подъ командою храбраго капитана Лазарева, схватился съ тремя непріятельскими фрегатами, и въ нѣсколько часовъ истребилъ ихъ. Столь же удачно дѣйствовали и другіе русскіе и союзные корабли. Черезъ четыре часа ожесточеннаго боя, турецкаго флота уже не существовало: уцѣлѣлъ только одинъ фрегатъ да нѣсколько малыхъ судовъ. Спасшійся фрегатъ былъ взятъ лично со всѣмъ экипажемъ графомъ Гейденомъ.

Государь, по полученія извѣстія о Наваринской битвѣ, щедро наградилъ своихъ моряковъ и послалъ при рескриптахъ: англійскому адмиралу Кодрингтону орденъ св. Георгія 2-й степени, а французскому де-Риньи—орденъ св. Александра Невскаго.

89929

ГЛАВА ВТОРАЯ

Объявленіе войны Турціи.—Начало дѣйствій въ присутствіи Николая Павловича.—Личное участіе Государя во всѣхъ дѣлахъ.—Государь подъ Шумлою.—Отбытіе въ Одессу и Николаевъ.

Почти вслѣдъ за Наваринскою битвою султанъ объявилъ манифестомъ, что Россія есть вѣчный врагъ мусульманства и что она замышляетъ разрушить Турцію. Войска наши стояли въ Бессарабіи и ждали только манифеста о войнѣ, для начатія наступательныхъ дѣйствій. Пѣхота польской арміи получила приказаніе выступать въ походъ на присоединеніе къ гвардіи, стоявшей въ Кіевѣ; но вдругъ послѣдовала отмѣна. Причиной тому было открытіе тайныхъ обществъ въ Польшѣ, и Цесаревичъ Константинъ Павловичъ доложилъ Государю, что многіе изъ польской арміи сочувствуютъ броженію умовъ въ Польшѣ, почему, въ видахъ осторожности, польская армія не принимала участія въ кампаніи 1828 года.

14-го февраля 1828 г. были подписаны манифесты о войнѣ съ турками.—Дипломатическія ноты были посланы европейскимъ дворамъ съ извѣщеніемъ о войнѣ и причинахъ, ее вызвавшихъ. Утромъ 26-го апрѣля на разводѣ, въ Петербургѣ, Государь объявилъ о своемъ отъѣздѣ въ дѣйствующую армію, прибавивъ: «Сожалѣю, что васъ не будетъ со мною. Съ Божіей помощью, война окончится къ пользѣ и славѣ нашего отечества... дѣло наше правое.... Да благословитъ Богъ!» Затѣмъ было молебствіе въ Казанскомъ соборѣ, и вечеромъ Государь тронулся въ путь.

Путешествіе Государя было очень утомительно вслѣдствіе весенней грязи. — 7-го мая въ полдень онъ переѣхалъ границу въ Вадоицѣ-Исакчи, по мосту, наведенному черезъ Прутъ. На другой день онъ былъ подъ Браиловомъ, гдѣ, сопровождаемый великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ и фельдмаршаломъ Дибичемъ, явился передъ войсками. Поздоровавшись съ ними, онъ сказалъ: «Ребята, я обѣщалъ пріѣхать къ вамъ, и сдержалъ свое слово. Постараемся же исполнить нашъ долгъ, какъ того требуетъ святая вѣра и любовь къ отечеству».

Въ первый разъ со временъ Петра Великаго Русскій Царь

вступилъ въ Турецкую землю. 11-го мая Государь отправился къ 18-й пѣхотной дивизіи, расположеніе которой упиралось въ Дунай. Впереди были собраны люди, особенно отличившіеся въ аванпостныхъ дѣлахъ. Государь, обратясь къ самому старому солдату, уже украшенному 3-мя медалями, собственноручно прикрѣпилъ ему Георгіевскій крестъ и поцѣловалъ ветерана. На другой день Государь поѣхалъ верхомъ къ большой батареѣ, гдѣ былъ замѣченъ и узнанъ непріятелемъ. Турецкіе канониры пустили нѣсколько гранатъ, пролетѣвшихъ надъ головою Его Величества. Утромъ на другой день Государь отправился пѣшкомъ къ аванпостамъ крайняго лѣваго фланга.—Построенная противъ него непріятельская батарея открыла сильный огонь какъ разъ противъ той возвышенности, гдѣ находился Государь. Многія ядра убили у подошвы нѣсколькихъ лошадей; присутствовавшіе умоляли Государя оставить опасный постъ, служившій мишенью непріятелю, но Государь не тронулся съ мѣста, пока наша батарея не принудила турокъ прекратить огонь. Отправясь на короткое время въ Одессу для свиданія съ Императрицею, Государь возвратился къ арміи, и вечеромъ 26 мая прибылъ къ мѣсту переправы. Онъ отдалъ лично приказанія на слѣдующій день, и лишь только замерцала утренняя заря, Государь, сидѣвшій на путешномъ лафетѣ, всталъ и спокойно твердымъ голосомъ сказалъ окружавшимъ его: «Господа, пора начинать!» За этими словами грянулъ залпъ и переправа началась. Государь лично съ берега распоряжался направленіемъ огня батареи, презирая опасность. Какъ только стали приносить раненыхъ, Его Величество самъ принималъ несчастныхъ съ отеческою заботливостью, утѣшалъ ихъ, но время отъ времени отворачивался, чтобы скрыть и отереть слезы.....

На другой день переправы, 27 мая, Государь пожелалъ и самъ переправиться на другой берегъ, чтобы видѣть театръ дѣйствій и лично поблагодарить храбрыя войска. Кошевой атаманъ запорожцевъ, Іосифъ Гладкій, со всѣми старшинами, священниками и казаками явились къ Государю со повинною за своихъ дѣдовъ. Государь ихъ обласкалъ, пожаловалъ атаману медаль съ своимъ изображеніемъ, казакамъ земли, и запорожцы, восторженные царскою привѣтливостью, поклялись вѣрою и правдою служить отнынѣ Россіи. Гладкій предложилъ множество мелкихъ своихъ судовъ, чѣмъ способствовалъ переправѣ нашей арміи. Самъ Государь въ лодкѣ,

управляемой запорожцами, бывшими незадолго предъ тѣмъ подданными Оттоманской имперіи, переправился на тотъ берегъ. Полковникъ Гладкій, до того двухъ-бунчужный паша, правилъ рулемъ.

30-го мая крѣпость Исакча сдалась. Государь великодушно разрѣшилъ сдавшимъ ее пашамъ возвратиться въ Константинополь. 31-го Императорская квартира была перенесена подъ стѣны Исакчи, а 5-го іюня къ Трояновy валу, куда изъ Браилова прискакалъ адъютантъ великаго князя Михаила Павловича, покрытый грязью и пылью. «Благодареніе Богу, Браиловъ нашъ!» воскликнулъ Императоръ, обнимая радостнаго вѣстника и, не дождавшись разсказа подробностей, пошелъ въ палатку графа Витгенштейна.

— Богъ съ нами, фельдмаршалъ! произнесъ Государь.—Великій князь взялъ Браиловъ. Успѣхъ важный, и мнѣ кажется, что султанъ будетъ просить мира.

— Ваше Величество, отвѣчалъ Витгенштейнъ, взятіе Браилова дѣлаетъ честь великому князю, но я не думаю, чтобы война кончилась такъ скоро; я даже опасаюсь, что мы не управимся съ турками въ одну кампанію.

— Ахъ, фельдмаршалъ, возразилъ Государь съ грустью: на насъ обоихъ лежитъ тяжелая отвѣтственность: не довольно побѣдить,— надобно, сколько возможно, беречь кровь нашихъ войскъ.

Вслѣдъ за тѣмъ Государь вышелъ къ войскамъ и сказалъ имъ: «Ребята! Я увѣренъ, что и вы, при случаѣ, отличитесь такъ же, какъ отличились ваши товарищи подъ Браиловомъ. Вы конечно знаете, что слава этого важнаго дѣла принадлежитъ, большею частію, брату моему, великому князю Михаилу Павловичу».

Послѣ благодарственнаго молебствія, Государь выслушалъ подробное донесеніе полковника Бибикова, остался очень доволенъ и отправилъ его обратно къ великому князю, съ инструкціями для продолженія военныхъ дѣйствій.

Вслѣдствіе распространившихся слуховъ о появленіи чумы въ лазаретахъ лагеря подъ Трояновымъ валомъ,—лагерь былъ перенесенъ на берега рѣки Карасу. Здѣсь Государь получилъ подробныя донесенія о капитуляціяхъ крѣпостей: Гирсова, Мачина, Кюстенджи и Браилова. Получивъ ихъ, Государь верхомъ отправился къ Кюстенджи, гдѣ намѣревался устроить госпитали и магазины. Неутѣшительныя вѣсти о появленіи чумы сильно безпокоили Госу-

даря, и онъ повелѣлъ уснлить карантины, и обратился къ благотворительности общества для устройства возможно бо́льшаго числа госпиталей. На это откликнулись, по примѣру Одессы, и многіе другіе города.

6-го іюля, на военномъ совѣтѣ, между прочимъ, было высказано опасеніе, что Государь, со дня на день, можетъ подвергнуться опасности быть окруженнымъ между Варною, Силистріею и Шумлою, подобно Петру Великому на берегахъ Прута въ 1711 году.

«Если бы Провидѣніе не предохранило меня отъ подобнаго бѣдствія, произнесъ Императоръ, если бы я имѣлъ несчастіе попасть въ руки враговъ, то надѣюсь, что въ Россіи вспомнятъ многознаменательныя слова сенату моего прапрадѣда. Если случится сіе послѣднее, то вы не должны почитать меня своимъ Царемъ и Государемъ, и ничего не исполнять, что мною, хотя бы по собственноручному повелѣнію, отъ васъ было требуемо».

Эти слова, сказанныя такъ удачно къ случаю, произвели глубокое впечатлѣніе.

Въ 5 час. утра, 8іюля, войска начали сосредоточиваться къ Шумлѣ

Турецкіе передовые посты отступали при приближеніи русскаго авангарда; вдали виднѣлись всадники въ бѣлыхъ чалмахъ, поставленные ведетами на высотахъ.

Было около одиннадцати часовъ утра.

Императоръ приказалъ остановить всѣ колонны, чтобы дать время седьмому пѣхотному корпусу обойти правый флангъ турокъ и довершить это рѣшительное движеніе. Пока обѣ стороны готовились сойтись, завязалась схватка между казаками и курдами на нашемъ крайнемъ правомъ флангѣ.

Хладнокровно, съ увѣренностію опытнаго военачальника, отдавалъ Государь приказанія и распоряжался такъ покойно, какъ будто дѣло шло о простомъ парадномъ маневрѣ. Въ полдень онъ велѣлъ начать общую атаку.

Здѣсь былъ сраженъ ядромъ въ грудь флигель-адъютантъ полковникъ Реадъ въ тотъ самый моментъ, когда наводилъ два орудія, которыя Государь приказалъ ему поставить на назначенномъ мѣстѣ. Смерть полковника Реада, офицера достойнаго, извѣстнаго своею храбростію, такъ опечалила Императора, что онъ сказалъ во всеуслышаніе:

— Вотъ побѣда, за которую я поплатился слишкомъ дорого!

Побѣда была дѣйствительно одержана: непріятель нигдѣ не могъ удержаться.

Государь, внимательно слѣдившій за движеніями войскъ и распоряжавшійся ими, остался весьма доволенъ результатомъ, и сказалъ, что всѣ добросовѣстно исполнили свой долгъ.

— Потому что Ваше Величество сами подавали примѣръ всѣмъ намъ, отвѣчалъ Александръ Бенкендорфъ.

Турки потеряли до пятисотъ человѣкъ. Уронъ русскихъ не превышалъ тридцати или сорока убитыхъ и восьмидесяти раненыхъ.

Почти трехдневное пребываніе Императора Николая подъ Шумлою послужило европейскимъ газетамъ поводомъ ко многимъ разсказамъ, въ которыхъ Государь игралъ интересную роль. Разсказы эти доказывали, съ какимъ любопытствомъ глаза Европы были обращены тогда на мужественнаго Монарха, который дѣлилъ труды и опасности со своими солдатами въ тяжелой борьбѣ не только противъ турокъ, но и противъ климата, всякаго рода лишеній и болѣзней. Разсказывали, напримѣръ, что Императоръ, сохранившій и въ дѣйствующей арміи привычки къ строгому порядку и точному исполненію службы, часто ходилъ, утромъ и вечеромъ, въ сопровожденіи лишь одного флигель-адъютанта, по всему бивуаку и посѣщалъ даже аванпосты, рискуя столкнуться съ непріятельскою партіей. Разъ вечеромъ, онъ замѣтилъ, что на одномъ изъ передовыхъ постовъ не было часоваго, но ружье и ранецъ лежали на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ часовой. Государь полагалъ, что часоваго сняли турки, какъ вдругъ услышалъ жалобные стоны, выходившіе изъ кустарниковъ сосѣдняго лѣса. Направившись туда, онъ увидѣлъ солдата, который лежалъ на землѣ, стоналъ и, повидимому, былъ боленъ.

— Ты раненъ? закричалъ ему Государь издали.

— Ваше Величество!.. проговорилъ солдатъ, узнавшій Императора по голосу и усиливаясь приподняться.

— Зачѣмъ ты оставилъ свой постъ? спросилъ его Императоръ строгимъ голосомъ.

— Ради Господа Бога, не извольте подходить ко мнѣ, Ваше Величество! У меня чума и я скоро умру...

— Нѣтъ, ты не умрешь! возразилъ Императоръ. Мы вылечимъ

тебя, а потомъ ты разскажешь военному суду, почему сошелъ съ часовъ въ виду непріятеля.

Въ это самое время главнокомандующій Кавказскимъ корпусомъ, графъ Паскевичъ-Эриванскій, едва успѣвшій возвратиться изъ персидскаго похода и сдѣлать необходимыя распоряженія къ пополненію ввѣренныхъ ему войскъ, изнуренныхъ битвами и болѣзнями, долженъ былъ снова выступить въ походъ для борьбы съ непріятелемъ многочисленнымъ и твердо убѣжденнымъ въ побѣдѣ надъ русскими. Въ арміи Паскевича едва считалось 12,000 человѣкъ; но уже 19-го іюня онъ явился подъ Карсомъ. Крѣпость эта, знаменитая на востокѣ своими твердынями, считалась неприступною. Паскевичъ взялъ ее штурмомъ; начальникъ же крѣпости отступилъ въ цитадель и просилъ, въ ожиданіи прибытія скорой помощи, два дня на размышленіе. Графъ Паскевичъ объявилъ ему: «Пощада повиннымъ, смерть непокорнымъ, часъ времени на размышленіе». И цитадель немедленно сдалась послѣ такого рѣшительнаго отвѣта.

Утромъ 16-го іюля Императорскій лагерь приблизился къ Шумлѣ на столько, что изъ крѣпости ясно можно было разсмотрѣть фасъ и центръ русскихъ верковъ. До сихъ поръ еще не было произведено ни одного пушечнаго выстрѣла противъ крѣпости; Шумла также молчала. Въ то время, когда Императоръ обозрѣвалъ правое крыло позиціи, на которой русскія войска начали утверждаться прочно, онъ замѣтилъ, что въ ночь, впереди крѣпости, былъ построенъ, или по крайней мѣрѣ разбитъ, редутъ, и что непріятель намѣревался, повидимому, возвести между лагеремъ осаждающихъ и крѣпостью рядъ земляныхъ верковъ. Государь рѣшился безотлагательно не допустить турокъ до распространенія и окончанія этихъ верковъ. Вслѣдствіе этого, на глазахъ Императора, разъигралось блистательное дѣло, которое имѣло бы еще болѣе выгодныя послѣдствія, если бы наступившая темнота не помѣшала нашей кавалеріи преслѣдовать турокъ, бѣжавшихъ въ разбродъ къ своимъ укрѣпленнымъ лагерямъ. Въ тотъ же вечеръ Его Величество пригласилъ въ свою палатку генераловъ Киселева и Берга, которые подавали собою примѣръ войскамъ, и вручилъ первому шпагу съ алмазными украшеніями, а второму знаки ордена св. Анны 1-й степени.

Гусейнъ-паша рѣшился затянуть какъ можно долѣе осаду, вывести осаждающихъ изъ терпѣнія, въ надеждѣ, что русская армія

растаетъ подъ стѣнами Шумлы. Императоръ, съ своей стороны, положилъ твердое намѣреніе запереть турецкую армію въ крѣпости, которая, будучи лишена возможности получать подкрѣпленія и продовольствіе, подверглась бы всѣмъ невыгодамъ блокады и всѣмъ превратностямъ осады.

Николай Павловичъ призналъ ненужнымъ оставаться долѣе въ блокадномъ лагерѣ, тѣмъ болѣе, что судя по ходу войны, положеніе воюющихъ сторонъ не могло измѣниться въ продолженіе блокады, которая грозила затянуться на неопредѣленное время. Притомъ Его Величеству была представлена опасность подвергнуться въ своемъ укрѣпленномъ лагерѣ нападенію турецкой арміи, собиравшейся подъ Костантинополемъ и готовой выступить, какъ говорили, въ числѣ ста тысячъ, подъ предводительствомъ самого султана. Въ то же время австрійскія войска, эшелонированныя по границамъ Сербіи и Дунайскихъ княжествъ, ежедневно усиливались и ежеминутно могли намъ угрожать. Англія увеличила свой флотъ въ Средиземномъ морѣ, а Франція готовилась отправить въ Морею экспедиціонный корпусъ. Наконецъ, къ удивленію и неудовольствію Императора Николая, въ главной квартирѣ его появились агенты нѣсколькихъ иностранныхъ державъ, между прочимъ и лордъ Гейтесбюри, чрезвычайный посланникъ Англіи. Всѣ эти господа пріѣхали въ качествѣ лазутчиковъ, съ цѣлью слѣдить за военными дѣйствіями, хотя и подъ предлогомъ приготовить пути къ перемирію или миру, въ интересахъ будто бы безопасности Европы.

Вотъ почему Государь рѣшился удалиться изъ лагеря подъ Шумлою если не навсегда, то, по крайней мѣрѣ, думалъ онъ, на нѣсколько недѣль. Притомъ его призывали въ Одессу и убѣдительнѣйшія письма Императрицы, которая умоляла своего Августѣйшаго Супруга отдохнуть отъ боевыхъ трудовъ, имѣя причины тревожиться за его здоровье: въ Одессѣ ходилъ слухъ, что чума обнаружилась въ шумлинскомъ лагерѣ и ежедневно похищала по пятисотъ человѣкъ.

Была еще одна весьма важная причина, побудившая Императора уѣхать изъ-подъ Шумлы: онъ желалъ осмотрѣть черноморскій флотъ, приведенный адмираломъ Грейгомъ подъ Варну, и собственными глазами удостовѣриться въ ходѣ осады этой крѣпости.

Но и въ Одессѣ Государя ожидали труды, а не отдыхъ: онъ

Николай I и со сподвижники.

имѣлъ въ виду встрѣтиться въ окрестностяхъ ея съ резервными частями, уже нѣсколько мѣсяцевъ выступившими въ походъ для пополненія убыли дѣйствующей арміи, произвести имъ смотръ, направить ихъ, смотря по надобности, на различные пункты. Наконецъ онъ чувствовалъ необходимость посвятить болѣе времени дѣламъ внутренняго управленія, хотя и въ походѣ ежедневно занимался тѣми изъ нихъ, которыя не терпѣли отлагательства. Вообще дѣятельность Государя во время кампаніи 1828 года была изумительная: съ самаго пріѣзда своего изъ С.-Петербурга въ главную квартиру, онъ ни на одинъ день не отступалъ отъ своихъ обязанностей главнокомандующаго: предсѣдательствовалъ въ военныхъ совѣтахъ, приказывалъ отдавать себѣ отчетъ во всѣхъ движеніяхъ войскъ, опредѣлялъ марши и этапы каждой части, утверждалъ всѣ отдаваемыя приказанія, занимался малѣйшими подробностями полевой службы, заботился объ обезпеченіи продовольствія солдата, безпрестанно посѣщалъ вмѣстѣ съ докторомъ Вилье лазареты и госпитали и вводилъ въ нихъ полезныя и благотворныя улучшенія. Подъ Шумлой Императоръ возложилъ на себя новые труды и обязанности. Два раза въ день, сопровождаемый великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ и генералами, онъ объѣзжалъ лагерь во всѣхъ направленіяхъ, осматривалъ батареи, входилъ въ палатки офицеровъ и солдатъ, разспрашивалъ тѣхъ и другихъ; весьма часто посѣщалъ аванпосты, и всякій разъ, когда съ крѣпости открывали огонь, являлся по первому выстрѣлу, чтобы лично видѣть дѣйствіе канонады. Нерѣдко Государь самъ руководилъ стрѣльбою канониръ, и, не внимая убѣжденіямъ окружавшихъ лицъ, наблюдалъ за направленіемъ непріятельскихъ ядеръ, которыя пролетали надъ его головою, или рекошетировали позади него.

Графъ Витгенштейнъ, видя какой опасности подвергалъ себя Императоръ, замѣтилъ однажды Его Величеству съ почтительною твердостью:

— Если вы, Государь, удостоили сохранить за мною всѣ права и преимущества главнокомандующаго, то осмѣливаюсь просить Ваше Величество сію же минуту удалиться съ поста, котораго Вамъ не слѣдуетъ занимать: иначе я буду въ прискорбной необходимости сложить съ себя обязанности главнокомандующаго и поступить рядовымъ въ армію.

— Витгенштейнъ правъ, прибавилъ великій князь:—присоединяюсь къ нему, какъ генералъ-фельдцейхмейстеръ, и умоляю Ваше Величество не подвергать себя величайшему несчастію, какое только можетъ постигнуть армію, Имперію и весь Императорскій домъ.

Во время пребыванія своего въ блокадномъ лагерѣ подъ Шумлою, Государь роздалъ большое число наградъ не только между генералами и офицерами, но и между нижними чинами, мужество и усердіе къ службѣ которыхъ онъ могъ оцѣнить собственными глазами. Въ обычные утренніе и вечерніе объѣзды лагеря, Его Величество часто подзывалъ къ себѣ, по имени, кого либо изъ унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ, самъ прикрѣплялъ къ груди вызваннаго знакъ отличія Военнаго ордена, жаловалъ деньгами, производствомъ рядоваго въ унтеръ-офицеры, поощрялъ награжденныхъ вести себя и впредь какъ слѣдуетъ честному служивому, а въ бою быть молодцомъ. Какъ часто случалось, что иной сѣдоусый, закаленный въ бояхъ и во всѣхъ тревогахъ походной жизни ветеранъ, на котораго Государь возлагалъ Георгіевскій крестъ, плакалъ отъ полноты чувствъ, а товарищи его, свидѣтели такой чести, едва удерживались отъ радостныхъ слезъ и готовы были въ ту же минуту идти на явную смерть.

Передъ отъѣздомъ, Императоръ пожелалъ лично все видѣть, все осмотрѣть.

Во вторникъ утромъ 21-го іюля, Императоръ сѣлъ на коня и отправился въ путь, въ сопровожденіи великаго князя Михаила, генералъ-адъютантовъ Бенкендорфа и Васильчикова, и нѣсколькихъ флигель-адъютантовъ. Генералъ Бенкендорфъ, на которомъ, по званію командующаго Императорскою главною квартирою, лежала обязанность охраненія особы Его Величества, съ большимъ трудомъ выпросилъ позволеніе взять конвой, достаточный для обезпеченія безопасности Монарха. Бенкендорфъ имѣлъ предосторожность отправить наканунѣ два баталіона пѣхоты, силою до 700 человѣкъ, для рекогносцировки дороги и для занятія поста на полупути, въ самомъ опасномъ мѣстѣ. Императоръ не зналъ объ этомъ распоряженіи; онъ вѣроятно воспротивился бы принятымъ мѣрамъ, потому что думалъ совершить путь отъ Шумлы къ Варнѣ безъ всякаго конвоя, и не безъ оттѣнка неудовольствія видѣлъ, что вмѣстѣ съ нимъ выступили конно-егерскій полкъ и батарея конной

артиллеріи. Напротивъ того, лица, находившіяся въ свитѣ Его Величества, зная, что дорога не безопасна и что негостепріимная мѣстность, по которой предстояло проѣзжать, наполнена шайками мародеровъ, желали, чтобы конвойный отрядъ былъ еще многочисленнѣе.

Его Величество направлялся на Козлуджи по той самой дорогѣ, по которой слѣдовалъ съ войсками къ Шумлѣ, дорогѣ чрезвычайно трудной и часто почти непроходимой. Достигнувъ благополучно Ени-базара, Государь не останавливался въ этой деревнѣ, нетерпѣливо желая прибыть какъ можно скорѣе къ мѣсту назначенія. Оставалось проѣхать шестьдесятъ верстъ по мѣстности, перерѣзанной горами, лѣсами и болотами: дорога была завалена гніющими трупами животныхъ, заражавшими воздухъ, потому что обозныя лошади и волы издыхали отъ жажды и голода на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ были оставляемы подводчиками. Кое-гдѣ попадались обломки экипажей и остатки обозовъ, разграбленныхъ или сожженныхъ непріятелемъ. Ничего не могло быть безотраднѣе, унылѣе этого зрѣлища.

Генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ, разъѣзжавшій въ продолженіе всего марша, отъ головы до хвоста конвоя, терзался такими опасеніями, что сердце его постоянно билось сильнѣе обыкновеннаго: онъ разсказывалъ впослѣдствіи, что съ радостію пожертвовалъ бы жизнью за увѣренность, что доставитъ Государя здравымъ и невредимымъ подъ Варну. Самъ Императоръ не подозрѣвалъ опасностей, ему грозившихъ; напротивъ, онъ былъ такъ увѣренъ въ своей безопасности, что лично приказалъ конно-егерскому полку и конной батареѣ воротиться въ Шумлинскій лагерь.

— Зачѣмъ напрасно утомлять людей, замѣтилъ Государь Бенкендорфу:—они будутъ полезнѣе въ лагерѣ, нежели здѣсь. На насъ не нападутъ; а еслибы и напали, то мы съумѣемъ отбиться.

Вдругъ казаки, содержавшіе разъѣзды въ авангардѣ, дали знать, что дорога преграждена частію турецкой конницы: Бенкендорфъ вернулъ конныхъ егерей, которые, по повелѣнію Императора, уже остались въ тылу, построилъ ихъ въ боевой порядокъ и выслалъ конную батарею противъ непріятеля. Турки не выждали, впрочемъ, атаки, дали тылъ и скрылись въ лѣсу.

Императоръ не замѣчалъ томительной душевной тревоги между своими спутниками; болѣе чѣмъ когда-нибудь онъ былъ невозму-

тимо спокоенъ и, по временамъ, подавалъ даже своей свитѣ примѣръ веселости.

Но когда были встрѣчены два баталіона пѣхоты, высланные впередъ Бенкендорфомъ и бивуакировавшіе на назначенномъ мѣстѣ со вчерашняго дня, тогда Государь, удивленный этою встрѣчею, убѣдился, что путешествіе его представляло болѣе серьезныхъ опасностей, нежели какъ онъ предполагалъ. Слабый конвой, его сопровождавшій, не могъ бы устоять противъ непріятеля, еслибы собралось нѣсколько партій турецкой конницы съ цѣлью овладѣть его особою или даже истребить со всею свитою.

Здѣсь сдѣланъ былъ часовой привалъ на бивуакѣ пѣхоты. Бенкендорфъ принялъ, между тѣмъ, всевозможныя предосторожности для избѣжанія опасныхъ встрѣчъ.

Дальнѣйшій путь пролегалъ по дорогамъ еще болѣе труднымъ, и только вечеромъ, послѣ солнечнаго заката, прибыли въ Козлуджи, занятый, не смотря на свою стратегическую важность, слабымъ постомъ казаковъ, которые едва держались въ слабомъ редутѣ, безпрестанно угрожаемые непріятелемъ. Императорскій конвой расположился на ночь подъ пушками этого редута. Но едва ружья были поставлены на козлы, какъ въ долинѣ послышались крики и ружейные выстрѣлы. Оказалось, что турки напали на обозъ съ продовольствіемъ. Государь въ ту же минуту выслалъ баталіонъ пѣхоты на помощь фурштату; но турки уже скрылись, успѣвъ убить нѣсколькихъ возчиковъ, выпрячь воловъ и захватить грузъ съ двухъ или трехъ телѣгъ.

Ночь прошла спокойно. Утромъ Государь хотѣлъ отправиться въ путь, хотя еще не получалъ извѣстій, что дорога свободна, но долженъ былъ уступить рѣшительному сопротивленію Бенкендорфа.

— Дѣлать нечего, сказалъ ему Императоръ ласково: ты здѣсь хозяинъ,—надобно повиноваться. Отпразднуемъ же въ Козлуджи день тезоименитства матушки.

Императоръ объявилъ, что завтра, 23-го іюля, выѣзжаетъ непремѣнно, будутъ или не будутъ получены извѣстія о пути. Конвой Государя уменьшился на-половину, а при выходѣ изъ Козлуджиской долины надлежало ѣхать густымъ лѣсомъ, гдѣ каждая трущоба могла скрывать непріятельскую засаду. Еще до разсвѣта Бенкендорфъ занялъ двумя ротами егерей дорогу, по которой долженъ былъ

слѣдовать Императоръ. Лишь только замерцала утренняя заря, Государь сѣлъ на коня и хотѣлъ ѣхать во главѣ конвоя; но, уступая убѣдительнымъ просьбамъ своей свиты, согласился помѣститься между авангардомъ и двумя слабыми взводами пѣхоты, составлявшими все прикрытіе. Къ счастію, Императоръ былъ въ шинели, скрывавшей его генеральскій мундиръ, и потому не могъ быть замѣченъ между лицами, которыя его окружили и поспѣшили образовать собою оплотъ. Лѣсъ проѣхали благополучно; но едва конные егеря вышли изъ него, чтобы составить авангардъ Императорскаго конвоя, какъ выстрѣломъ, сдѣланнымъ съ опушки лѣса и очевидно направленнымъ въ Императора, былъ тяжело раненъ одинъ изъ егерей. Въ ту же минуту два взвода бросились въ лѣсъ, осмотрѣли его во всѣхъ направленіяхъ, но не нашли никого.

Не безъ тревожныхъ опасеній колонна продолжала путь. Ничего особеннаго, къ счастію, не случилось, и, послѣ трехчасовой, довольно скорой ѣзды, достигли открытой возвышенности, съ которой виднѣлись вдали Варнскій заливъ, блокированная крѣпость и русскій флотъ, стоявшій на якорѣ противъ порта. Это зрѣлище обрадовало всѣхъ; солдаты прокричали громкое «ура!» Теперь уже нельзя было сомнѣваться, что князь Меньшиковъ находился со своимъ отрядомъ подъ стѣнами Варны, и что эскадра адмирала Грейга заняла позицію подъ крѣпостью. До лагеря оставалось впрочемъ еще полдня ѣзды; зной становился невыносимымъ; люди и лошади едва держались на ногахъ. Сдѣлали привалъ у небольшаго редута, занятаго казачьимъ постомъ и обозомъ отряда генерала Делингсгаузена. Рѣшено было остаться здѣсь до завтра.

Когда стало свѣтать, Государь отправился въ путь и, около десяти часовъ утра, прибылъ на высоты, господствующія надъ Варною. У ногъ его разстилался весь городъ, обороняемый съ суши передовыми верками, съ моря—укрѣпленнымъ портомъ; можно было разсмотрѣть: башни, валы, бастіоны, убранные яркоцвѣтными знаменами и штандартами; пушки и ружья, сверкавшія на солнцѣ, минареты мечетей, на которыхъ развѣвались длинныя, вышитыя золотомъ, ленты; дома, повидимому, опустѣли; улицы, по которымъ проходили одни солдаты; словомъ—повсюду замѣтны были признаки безмолвной, правильной дѣятельности осажденнаго города.

При въѣздѣ въ лагерь, Императоръ былъ встрѣченъ княземъ

Меньшиковымъ, котораго онъ поцѣловалъ и поблагодарилъ за взятіе Анапы, прибавивъ, что и взятіе Варны должно принадлежать ему и доблестнымъ его сподвижникамъ.

Всѣ войска, входившія въ составъ осаднаго корпуса, стояли подъ ружьемъ. Государь сдѣлалъ имъ смотръ, при радостныхъ восклицаніяхъ, гулъ которыхъ долеталъ до Варны.

Въ осажденномъ городѣ и не подозрѣвали, что могущественный Монархъ находился въ станѣ своихъ войскъ.

Около полудня, опредѣливъ вмѣстѣ съ княземъ Меньшиковымъ пунктъ атаки и передавъ послѣднія инструкціи относительно настойчиваго веденія осады, Его Величество снова сѣлъ на коня и отправился со своею свитою къ тому мѣсту, откуда окажется удобнымъ переѣхать на корабль. Адмиралъ Грейгъ, уже извѣщенный о прибытіи Государя, приготовился принять его на флотѣ съ подобающими почестями; но Императоръ не пожелалъ быть встрѣченнымъ салютомъ въ тотъ моментъ, когда вступитъ на адмиральскій корабль.

Дорога къ мѣсту посадки была одна изъ труднѣйшихъ: перевозка багажа оказалась бы невозможною, если бы казачьи конноартиллеристы не перенесли ихъ на рукахъ по крутымъ тропинкамъ, по которымъ они уже перетащили свои пушки. Можно было опасаться и непріятельской засады при проѣздѣ густымъ кустарникомъ по склону горы, по которой извивались тропинки, примыкавшія къ Варнѣ; но баталіонъ пѣхоты занялъ всѣ эти тропинки и разсыпался по кустарникамъ. Наконецъ, не безъ труда и не безъ утомленія, колонна добилась до морскаго берега, гдѣ, въ небольшомъ заливѣ, между скалами, уже ожидала шлюпка съ людьми гвардейскаго экипажа. Они перевезли Государя и его свиту на пароходъ, который еще наканунѣ крейсировалъ въ виду берега. Пароходъ скоро присоединился къ флоту.

Восемь линейныхъ кораблей, пять фрегатовъ, большое число корветовъ и разнаго рода мелкихъ судовъ стояли въ три линіи, на якорѣ, передъ входомъ въ Варнскій портъ. Адмиралъ Грейгъ, окруженный своимъ штабомъ и офицерами эскадры, принялъ, у трапа своего корабля, Императора, впервые послѣ своего воцаренія всходившаго на корабль черноморскаго флота. Это былъ трехдечный корабль «Городъ Парижъ» подъ адмиральскимъ флагомъ. Его Величество отобѣдалъ на палубѣ, прямо противъ Варны, которая подни-

мается амфитеатромъ въ глубинѣ обширной и безопасной бухты, и которая, въ эту минуту, охраняемая своими твердынями, казалось, спокойно ожидала осады съ суши и съ моря.

Простившись съ адмираломъ Грейгомъ и передавъ ему приказанія, Государь перешелъ на фрегатъ «Флору», долженствовавшій доставить его въ Одессу. Едва на кормѣ появился Императорскій штандартъ и фрегатъ поднялъ паруса,—грянулъ салютъ изъ всѣхъ орудій флота и, въ то же мгновеніе, загрохотали осадныя батареи въ лагерѣ князя Меньшикова. Только теперь изумленные турки узнали о прибытіи и отъѣздѣ Русскаго Царя.

Погода стояла великолѣпная; море было тихо какъ озеро; переѣздъ изъ Варнской бухты въ Одессу продолжался не болѣе трехъ дней.

Утромъ четвертаго дня показались на горизонтѣ возвышенности одесскаго берега. Императоръ вышелъ на палубу и остался на ней, окруженный нѣсколькими лицами своей свиты. Императрица поспѣшила къ берегу, держа за руку великихъ княженъ Марію Николаевну и Ольгу Николаевну, и сопровождаемая всѣмъ своимъ Дворомъ.

Когда былъ брошенъ якорь, насупротивъ дачи барона Рено (мѣстопребываніе Императрицы), Государь вошелъ въ шлюпку съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, генералъ-адъютантомъ Бенкендорфомъ, графомъ Нессельроде, камергеромъ графомъ Потоцкимъ и дежурнымъ флигель-адъютантомъ.

Императрица махала платкомъ, Императоръ отвѣчалъ на ея привѣтствіе, поднявъ шляпу надъ своею головою... Шлюпка быстро направилась къ тому мѣсту, гдѣ собралось множество народа, и остановилась почти у самыхъ ногъ Государыни... Не дождавшись, пока шлюпка была ошвартована, Его Величество ступилъ на берегъ. Императрица, вся въ слезахъ, бросилась въ объятія своего супруга; обѣ малолѣтнія великія княжны какъ бы оспаривали другъ у друга счастіе дать первый привѣтственный поцѣлуй своему Августѣйшему родителю... Свидѣтели этой семейной картины были растроганы до глубины души.

Цѣлую недѣлю провели Императоръ и лица его свиты въ восхитительномъ загородномъ домѣ.

Въ воскресенье, спустя три дня по пріѣздѣ, Государь пожелалъ

отправиться, вмѣстѣ съ Императрицею, въ Одессу, жители которой не ожидали его возвращенія и съ живѣйшею радостію встрѣтили Монарха въ совершенномъ здоровьѣ.

Воспользовавшись кратковременнымъ пребываніемъ своимъ въ Одессѣ, Государь приказалъ отслужить благодарственный молебенъ по случаю взятія Карса. Когда онъ, вмѣстѣ съ Императрицею и великимъ княземъ Михаиломъ, возвращался на дачу, гдѣ желалъ провести нѣсколько дней въ семейномъ кругу, курьеръ отъ тифлисскаго военнаго губернатора, генералъ-адъютанта Сипягина, привезъ извѣстіе о взятіи Поти.

Государь съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ ожидалъ прибытія гвардейскаго корпуса, такъ какъ онъ долженъ былъ усилить дѣйствующую армію 30,000-ми отборныхъ войскъ и могъ дать другой оборотъ кампаніи. Въ этомъ смыслѣ Его Величество сообщилъ инструкціи и приказанія великому князю Михаилу Павловичу, отплывшему въ Кюстенджи вечеромъ 7-го августа.

Всѣ указы, подписанные Императоромъ въ Одессѣ, доказывали его непоколебимое намѣреніе продолжать войну съ усиленною настойчивостью.

Въ военныхъ совѣтахъ, подъ предсѣдательствомъ Императора, неоднократно былъ обсуждаемъ проектъ блокады Константинополя съ моря, и казалось вѣроятнымъ, что онъ будетъ приведенъ въ исполненіе, не взирая на протесты всего дипломатическаго корпуса.

Передъ отъѣздомъ въ свою главную квартиру, Императоръ съ сожалѣніемъ долженъ былъ оставить тихій пріютъ на дачѣ Рено и поселиться въ Одессѣ, гдѣ его ожидали нескончаемые смотры войскъ.

Возвращеніе Его Величества въ Одессу совпало съ прибытіемъ курьера отъ графа Паскевича, доносившаго о взятіи Ахалкалаки. Это счастливое событіе было отпраздновано благодарственнымъ молебномъ въ одесскомъ соборѣ, въ присутствіи Императора и Императрицы и при всѣхъ чужестранныхъ посланникахъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Возвращеніе Государя изъ Одессы къ арміи.—Опасности на пути къ Варнѣ.—Безстрашіе Императора.—Его личное участіе въ осадѣ крѣпости. — Нежеланіе штурма. — Паденіе крѣпости. — Торжество. — Отъѣздъ Государя изъ арміи. — Смерть Императрицы Маріи. — Военные успѣхи въ Европейской и Азіятской Турціи.—Умиротвореніе Грибоѣдова въ Персіи.—Коронованіе въ Варшавѣ.—Конецъ турецкой кампаніи.

Выѣзжая изъ Одессы, Государь не желалъ возвращаться подъ Шумлу, осада которой не обѣщала скорыхъ результатовъ, но рѣшился сосредоточить всѣ свои усилія на Варнѣ, которая, будучи осаждена и съ суши, и съ моря, не могла, повидимому, противиться долго. Притомъ взятіе Варны, столько разъ остававшейся неодолимою въ прежнія войны, должно было произвести въ Европѣ не меньшее впечатлѣніе, какъ и овладѣніе Шумлою и Силистріей. Понятно, почему Императоръ съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ ожидалъ прибытія подъ Варну гвардейскаго корпуса, уже вступившаго въ Болгарію чрезъ Сатуново. Такъ какъ противные вѣтры въ морѣ угрожали замедлить возвращеніе Императора въ лагерь подъ Варною, а отсюда на фрегатѣ «Флора» переправиться подъ осажденную крѣпость, то онъ рѣшилъ ѣхать сухимъ путемъ до Каварны. Въ продолженіе немногихъ часовъ ночи, проведенныхъ въ Одессѣ, Государь не позволилъ себѣ ни минуты отдыха, несмотря на усталость, но посвятилъ ихъ быстрому просмотру послѣднихъ бумагъ, присланныхъ изъ С.-Петербурга.

Рано утромъ, Императоръ выѣхалъ изъ Одессы къ арміи, почти инкогнито, въ сопровожденіи генералъ-адъютанта Бенкендорфа и предшествуемый только однимъ фельдъегеремъ. Дороги были невыносимо дурны; экипажу разъ двадцать грозила ломка; погода стояла въ высшей степени ненастная. Въ Сатуново прибыли темною ночью, въ грозу; яркая молнія разсѣкала по временамъ непроницаемый мракъ. Опасно было бы отважиться проѣхать въ экипажѣ по длинной плотинѣ и по судовому мосту, чрезъ болота и рѣку. Государь вышелъ изъ коляски, взялъ за руку Бенкендорфа, который, почти ощупью, повелъ его на противоположный берегъ, опасаясь на каждомъ шагу свалиться въ быструю и глубокую рѣку, клокотавшую подъ ихъ

ногами. На другой же сторонѣ Дуная надлежало прождать въ грязи цѣлый часъ, пока не переправилась коляска и пока не привели свѣжихъ лошадей. Затѣмъ предстояло ѣхать по близости большаго лѣса, въ которомъ, какъ говорили, укрывались шайки разбойниковъ. Его Величество и слышать не хотѣлъ о томъ, чтобы остаться до разсвѣта на казачьемъ посту, охранявшемъ мостъ; онъ согласился только взять четыре конвойныхъ казака, хорошо знавшихъ дорогу. Разбойники, бродившіе по берегамъ Дуная, въ окрестностяхъ Сатунова, конечно, не могли и вообразить себѣ, чтобы Царь Русскій въ такую погоду, въ почтовой колескѣ, пустился ѣхать по крайне-сомнительной мѣстности, гдѣ попадались бродячія шайки, ждавшія только случая ограбить проѣзжихъ. Вдали, на равнинѣ, горѣли костры, разложенные разбойниками, но, къ счастію, въ эту ночь грабители не выходили на дорогу. Императоръ дремалъ или разговаривалъ со своимъ спутникомъ такъ же покойно, какъ будто ѣхалъ по царскосельской или петергофской дорогѣ. Наконецъ они благополучно доѣхали до Бабадага.

Четыре казака, скакавшіе за экипажемъ Императора, думали, что конвоируютъ двухъ генераловъ, которые отправлялись въ армію. Бенкендорфъ добился съ большимъ трудомъ, чтобы казаковъ оставить въ этомъ заблужденіи; но, спустя два дня, донцы, получившіе по 50 руб. каждый, узнали, что охраняли своего Царя.

Въ Бабадагѣ Императора ожидали опасности другаго рода, и на этотъ разъ Бенкендорфъ не смѣлъ уговаривать Государя уклониться отъ нихъ: дѣло шло о посѣщеніи военныхъ госпиталей, гдѣ чума похищала ежедневно большое число жертвъ. Даже врачи и лазаретные служители съ трепетомъ входили въ палаты, воздухъ которыхъ былъ пропитанъ смертоноспою міазмою. Его Величество не только не поколебался обойти палаты, но останавливался у постели страдальцевъ и обращался къ нимъ со словами утѣшенія. Ужасающая картина, которую Государь видѣлъ въ продолженіе двухъ часовъ, произвела на него глубочайшее впечатлѣніе грусти. Онъ не зналъ, что войска понесли такой страшный уронъ.

Императоръ выѣхалъ изъ Бабадага въ Кюстенджи, гдѣ надѣялся найдти гвардейскій корпусъ, который, десять дней сряду, двигался эшелонами, подъ палящимъ солнцемъ, по странѣ нездоровой, опустошенной, дикой. Не внимая просьбамъ Бенкендорфа, Государь и

теперь наотрѣзъ отказался взять конвой, кромѣ двухъ или четырехъ казаковъ, хотя дорога была не безопасна. По ней, впрочемъ, постоянно тянулись длинные ряды обозовъ и вьючныхъ животныхъ съ продовольствіемъ для арміи. Изборожденная рытвинами и оврагами, она становилась болѣе и болѣе непроѣздною, такъ что почтовыя лошади, которыхъ впрягали въ коляску по шести и по восьми, едва могли бѣжать рысью; когда же ночь застигла путниковъ въ такой мѣстности, гдѣ самый опытный ямщикъ сбивался съ толку, тогда нельзя было ѣхать иначе, какъ шагомъ. Вдали, сквозь мракъ, виднѣлись бивуачные огни, и можно было опасаться встрѣчи съ непріятельскою партіей. Бенкендорфъ настаивалъ дождаться разсвѣта; Государь и слышать не хотѣлъ о томъ: онъ замѣтилъ только своему спутнику, что огни разложены правильно и должны принадлежать русскому лагерю. Дѣйствительно, часовые, къ которымъ подъѣхала коляска, сказали Бенкендорфу, что тутъ стоитъ легкая гвардейская кавалерія.

— Благодареніе Богу! произнесъ Бенкендорфъ съ радостнымъ чувствомъ.

— Здорово, ребята! воскликнулъ Императоръ, обращаясь къ солдатамъ, окружавшимъ экипажъ.

Голосъ Его Величества былъ знакомъ каждому солдату. Въ отвѣтъ на привѣтствіе раздалось тысячекратное ура. Коляска остановилась передъ палаткою дивизіоннаго генерала, и немедленно была окружена офицерами и солдатами, обрадованными неожиданнымъ пріѣздомъ Августѣйшаго гостя.

Императоръ провелъ ночь въ лагерѣ. На другой день онъ осмотрѣлъ гвардейскія войска, которыя, пройдя слишкомъ двѣ тысячи пятьсотъ верстъ, явились въ такомъ превосходномъ видѣ, какъ бывало на блистательныхъ парадахъ въ Петербургѣ. Здоровье людей не оставляло желать ничего лучшаго. Затѣмъ Государь осмотрѣлъ магазины и, наконецъ, госпитали, гдѣ отдалъ приказанія для улучшенія и расширенія военно-медицинской части, такъ какъ число госпиталей было уже недостаточно для принятія множества больныхъ, привозимыхъ изъ лагеря подъ Силистріей.

Отъѣздъ Государя изъ Кюстенджи въ Мангалію и въ Каварну былъ назначенъ въ тотъ же день, и потому еще съ утра былъ посланъ конно-егерскій полкъ: онъ долженъ былъ расположиться не-

большими отрядами по дорогѣ, по которой предстояло слѣдовать Императору черезъ лѣса, овраги и болота, постепенно соединяться за коляскою Его Величества и такимъ образомъ сопровождать Государя до Мангаліи. И здѣсь Императоръ хотѣлъ посѣтить госпиталь, не внимая убѣжденіямъ своихъ приближенныхъ. Тифъ свирѣпствовалъ въ полномъ разгарѣ; бо́льшая часть врачей пала уже его жертвою, и немногіе больные, еще остававшіеся въ живыхъ въ зараженной атмосферѣ, были, повидимому, осуждены на вѣрную смерть. Цѣлые два часа употребилъ Императоръ на осмотръ палатъ, останавливаясь передъ каждою кроватью. Нѣкоторые умирающіе открывали глаза и послѣднимъ взглядомъ какъ бы благодарили Царя за посѣщеніе; иные несчастные усиливались даже прокричать радостное привѣтствіе. Его Величество былъ растроганъ до слезъ печальною картиною этого вмѣстилища страданій и смерти, тутъ же сдѣлалъ распоряженія объ освѣженіи воздуха въ госпиталяхъ, болѣе войны губившихъ армію, и съ стѣсненнымъ сердцемъ выѣхалъ изъ Кюстенджи, которое видѣлъ уже окруженнымъ обширнымъ кладбищемъ.

Первою мыслью Императора, по прибытіи въ Каварну, было посѣтить госпиталь, гдѣ эпидемія свирѣпствовала не такъ сильно: правда, и здѣсь оказалось весьма много больныхъ и особенно раненыхъ, но ихъ безпрестанно отправляли въ Одессу и въ другія мѣстности Крыма, гдѣ страдальцы могли быть предохранены отъ чумы и тифа.

Фрегатъ «Флора» стоялъ уже на рейдѣ. Вечеромъ Государь сѣлъ въ шлюпку, пришедшую за нимъ при весьма свѣжемъ вѣтрѣ, и отправился на это судно. Ночью фрегатъ поднялъ паруса, а на другой день, 27-го августа, Императоръ былъ посреди своего флота на варнскомъ рейдѣ, гдѣ адмиралъ Грейгъ принялъ Его Величество, при громѣ салютаціонныхъ выстрѣловъ, на кораблѣ «Городъ Парижъ».

Едва Императоръ вступилъ на палубу корабля «Городъ Парижъ», какъ пожелалъ лично убѣдиться въ успѣхахъ, сдѣланныхъ осадою въ его отсутствіе. Онъ отвелъ адмирала Грейга на бакъ и, выслушивая объясненія испытаннаго моряка, долго смотрѣлъ на осажденный городъ, сильно пострадавшій отъ бомбардированія въ продолженіе почти мѣсяца.

Государь пожелалъ немедленно отправиться на берегъ, гдѣ его встрѣтили графъ Воронцовъ и великій князь Михаилъ. Гвардейскія войска стояли въ боевомъ порядкѣ. На предложеніе осмотрѣть осадныя работы, Императоръ отвѣчалъ:

— Нѣтъ, побываемъ прежде у нашихъ больныхъ. Особенно одного изъ нихъ, спасеннаго чудомъ божественнаго Провидѣнія, желаю я видѣть нетерпѣливо.

Императоръ поспѣшилъ къ князю Меньшикову, сказавъ своимъ приближеннымъ, что самое взятіе Варны не утѣшило бы его въ потерѣ достойнаго и доблестнаго генерала, виновника счастливаго окончанія достопамятной осады.

Раненый былъ глубоко тронутъ посѣщеніемъ Его Величества и выразилъ свою благодарность въ такихъ благородныхъ и прочувствованныхъ словахъ, что всѣ присутствовавшіе не могли удержаться отъ слезъ. Князь Меньшиковъ сказалъ:

— Все, что я могъ сдѣлать при исполненіи моего долга, не стоитъ награды, которою Ваше Величество удостоили меня. Вы пожелали лично проститься со мной. Я не надѣюсь жить, и прошу Ваше Величество объ одномъ: не забудьте моего начальника штаба Перовскаго, который въ продолженіе трехъ дней такъ добросовѣстно исполнялъ мои обязанности.

— Я прикажу перевезти тебя въ Одессу, лишь только ты будешь въ силахъ отправиться въ путь, и Императрица позаботится о твоемъ выздоровленіи, прервалъ Государь больнаго.

Отъ князя Меньшикова Его Величество поспѣшилъ въ госпиталь, заключавшій въ себѣ немного больныхъ, но огромное число раненыхъ. Прибытіе Императора произвело неописанное дѣйствіе: изувѣченные страдальцы, покрытые окровавленными перевязками, приподнимались, словно привидѣнія, на своихъ скорбныхъ ложахъ и замирающимъ голосомъ выражали свою радость...

Переходя изъ палаты въ палату, Государь утѣшалъ, ободрялъ, награждалъ страждущихъ; когда онъ удалялся изъ госпиталя, раненые солдаты, сохранившіе способность двигаться и собравшіеся у дверей, чтобы ближе видѣть его, восклицали восторженно: «За Тебя, Государь, мы отдадимъ послѣднюю каплю крови!»

Императоръ объѣхалъ затѣмъ всѣ части лагеря, осмотрѣлъ всѣ верки, прослѣдилъ за дѣйствіемъ батарей и, сдѣлавъ новыя распо-

ряженія для дополненія и развитія осадныхъ работъ, объявилъ, что ежедневно будетъ дѣлить съ войсками труды. Для этого Его Величество приказалъ раскинуть свою палатку рядомъ съ палаткою главнаго начальника осаднаго корпуса, и только вечеромъ возвратился на корабль «Городъ Парижъ», гдѣ учредилъ свою главную квартиру.

Императоръ нетерпѣливо желалъ овладѣть Варною, продолжавшею защищаться упорно и съ суши, и съ моря. Можно было опасаться, чтобы осада не перешла за предѣлъ, назначенный ей самыми опытными военными людьми: стоило только появиться турецкой арміи,—и тогда положеніе осажденныхъ могло бы измѣниться. Эта армія еще не являлась. Говорили однако, что она готова выступить подъ начальствомъ Омера-Вріоне, одного изъ лучшихъ генераловъ султана.

Извѣстія, полученныя Государемъ въ это же время изъ шумлинскаго лагеря, были неутѣшительны: оба корпуса, расположенные подъ крѣпостью, не только терпѣли величайшія лишенія, нуждаясь въ продовольствіи и борясь съ болѣзнями, но очутились сами какъ бы запертыми и осажденными въ своихъ лагеряхъ, гдѣ они ожидали подкрѣпленій, чтобы перейти въ наступленіе и начать дѣйствительную осаду, которая, въ эту минуту, едва была блокадою.

Утромъ 4-го сентября осадныя батареи умолкли разомъ; вмѣсто нихъ, съ корабля «Городъ Парижъ», на которомъ все еще развѣвался Императорскій штандартъ, произведенъ былъ сто одинъ пушечный выстрѣлъ; въ то-же время раздались веселые звуки музыки всѣхъ оркестровъ флота и арміи... Въ осажденномъ городѣ разнесся слухъ о паденіи Шумлы, и, подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія ужаса, овладѣвшаго турками, едва не послѣдовала капитуляція Варны.

Но пала не Шумла... палъ неодолимый Ахалцыхъ, взятый штурмомъ послѣ блистательной побѣды, одержанной графомъ Паскевичемъ-Эриванскимъ въ Азіи надъ пашами Карсскимъ и Эрзерумскимъ. Подполковникъ Юдинъ, адъютантъ Паскевича, привезъ, въ эту самую ночь, радостную вѣсть, вмѣстѣ съ ключами цитадели, всегда считавшейся оплотомъ Анатоліи.

Взятіе Ахалцыха повлекло за собою чрезвычайно важныя послѣдствія: эта твердыня послужила опорною точкою русскаго вла-

дычества въ завоеванныхъ областяхъ, которыя отнынѣ должны были считаться присоединенными къ имперіи, ибо онѣ связывали Закавказскій край съ внутренними губерніями и ставили Тифлисъ съ прямое сообщеніе съ Чернымъ моремъ.

Императоръ, обрадованный славными результатами кампаніи графа Паскевича въ Азіятской Турціи, не могъ предполагать, чтобы Варна продлила свое сопротивленіе. Дѣйствительно, оно становилось съ каждымъ днемъ пассивнѣе, не проявляло прежней энергіи, потому что помощь, давно обѣщанная, не приходила.

Императоръ Николай намѣревался оставить дѣйствующую армію и возвратиться въ Петербургъ тотчасъ послѣ паденія Варны, которое могло имѣть слѣдствіемъ окончаніе войны, или, во всякомъ случаѣ, должно было блистательно заключить кампанію. Онъ зналъ, что осада Шумлы и осада Силистріи были очень далеки отъ счастливой развязки, что войска, расположенныя подъ этими двумя крѣпостями, нуждались въ значительныхъ подкрѣпленіяхъ, и что для продолженія дѣйствій за Балканами надлежало довести численность арміи до 250,000 человѣкъ.

По всѣмъ этимъ причинамъ надобно было безотлагательно готовиться къ новой кампаніи, которая долженствовала быть рѣшительною, если бы Турція, поощряемая втайнѣ Австріей и западными державами, отказалась отъ всякой примирительной сдѣлки.

Была еще другая, весьма настоятельная причина, призывавшая Государя въ Петербургъ: конфиденціальныя письма, получаемыя имъ отъ лейбъ-медика Императрицы-матери, заключали въ себѣ неутѣшительныя извѣстія о ея здоровьѣ.

Особенно утѣшали и радовали Императора побѣдныя извѣстія, одно за другимъ приходившія отъ Паскевича.

Баязетъ, Топракъ-Кале, укрѣпленія Діадинскія, Ардаганъ быстро и съ самою незначительною потерею пали предъ немногочисленными, но истинно боевыми, превосходно одушевленными войсками кавказскаго корпуса. Донося объ этихъ блистательныхъ подвигахъ, Паскевичъ извѣщалъ, что пашалыки Карсскій, Ахалцыхскій, Баязетскій, Ардаганскій были совершенно очищены отъ непріятеля, и въ виду скораго наступленія осенней непогоды, считалъ кампанію оконченною, хотя генералъ-маіоръ князь Чавчавадзе, со своими грузинскими и армянскими милиціонерами, преслѣдовалъ турокъ до

Мушскаго пашалыка. Русское знамя развѣвалось теперь до истоковъ Евфрата.

Графъ Воронцовъ настаивалъ не откладывать штурма Варны, но Императоръ не соглашался, говоря, что продолжительная осада и безъ того похитила много людей и что нельзя безопасно еще болѣе ослаблять армію.

— Штурмъ стоилъ бы намъ, можетъ быть, двухъ тысячъ человѣкъ! замѣтилъ Императоръ.

— А можетъ быть и шести тысячъ! отвѣчалъ Воронцовъ.—Мы имѣемъ дѣло съ восьми или десятысячнымъ гарнизономъ и съ двадцатью тысячами вооруженныхъ жителей.

— Я подожду, если нужно, десять дней, возразилъ Государь.— Мнѣ желательно избѣгнуть урона; онъ былъ бы невозмѣстимъ при настоящихъ обстоятельствахъ, и, во всякомъ случаѣ, казался бы мнѣ слишкомъ горестною жертвою, принесенною единственно для того, чтобы десятью днями раньше занять городъ, который отнынѣ я могу считать взятымъ или сдавшимся.

— Умоляю, Ваше Величество, дозволить намъ приступъ, сказалъ великій князь Михаилъ.—Вотъ уже шестьдесять часовъ, что должны были бы быть въ крѣпости. Иначе она не сдастся.

— Не могу согласиться на общій приступъ: онъ стоилъ бы намъ слишкомъ дорого, отвѣчалъ Императоръ.

— Но въ ближайшемъ къ морю бастіонѣ путь проложенъ такъ хорошо, что не трудно устроить тамъ ложементъ и помѣстить батарею. Такимъ образомъ мы станемъ ногою въ крѣпости, и тогда Варна убѣдится въ невозможности продолжать оборону. Завтра, на разсвѣтѣ, бастіонъ № 1-й будетъ занятъ: но я увѣренъ, Государь, что если бы былъ произведенъ общій штурмъ, то мы взяли бы городъ такъ же легко, какъ возьмемъ этотъ бастіонъ.

— Ты понялъ меня, Мишель? береги людей; пощадимъ ихъ кровь, отвѣчалъ Императоръ.

Его Величество выразилъ свою непремѣнную волю не предпринималъ штурма и терпѣливо ожидать добровольной сдачи крѣпости.

26-го сентября турецкій офицерь, состоявшій при Юсуфѣ-пашѣ въ должности секретаря, былъ присланъ въ главную квартиру для переговоровъ о сдачѣ Варны. Государь приказалъ отправить его къ

адмиралу Грейгу. Это первое совѣщаніе не имѣло другихъ послѣдствій, кромѣ свиданія съ Юсуфомъ въ траншеѣ. Грейгъ, убѣжденный, что переговоры начаты съ единственною цѣлью выиграть время, совѣтовалъ Государю не входить ни въ какія соглашенія, такъ какъ они не приведутъ ни къ чему, что и обнаружилось на другой же день.

28-го сентября Юсуфъ опять прибылъ въ нашъ лагерь, сопровождаемый своимъ штабомъ, и предъявилъ декларацію, написанную и подписанную имъ однимъ. Сущность ея содержанія заключалась въ необходимости сдать Варну; но такъ какъ капитанъ-паша и слышать не хотѣлъ о капитуляціи, то «онъ, Юсуфъ-паша — сказано было въ декларації—рѣшился не возвращаться въ Варну и теперь же отдаетъ себя, со своими войсками, подъ покровительство Россійскаго Императора». Графъ Воронцовъ и адмиралъ Грейгъ приняли перемиріе, съ условіемъ, чтобы гарнизонъ положилъ оружіе и остался военно-плѣннымъ.

Въ этотъ же день собирался военный совѣтъ, подъ предсѣдательствомъ Императора, для обсужденія плана дѣйствій послѣ занятія Варны. Снятіе осады Шумлы было рѣшено еще прежде; но никто не поколебался требовать продолженія осады Силистріи. Была рѣчь и о проектѣ кампаніи, который уже не разъ появлялся въ военныхъ совѣтахъ, но никогда не встрѣчалъ поддержки со стороны Императора: предлагалось тотчасъ оставить осаду Шумлы и Силистріи, сосредоточить всѣ силы, которыми могла еще располагать русская армія, идти на Константинополь и дать султану генеральное сраженіе подъ стѣнами его столицы. На это графъ Воронцовъ замѣтилъ:

— Мы съ большимъ трудомъ соберемъ сто тысячъ человѣкъ, а турецкая армія, раздѣленная теперь на три части, въ Шумлѣ, въ Адріанополѣ и въ Рамишъ-Чифликскомъ лагерѣ, вдвое или втрое многочисленнѣе.

— Черезъ двѣнадцать дней можно перейти Балканы и явиться передъ Константинополемъ, возразилъ одинъ изъ присутствовавшихъ.

Императоръ слушалъ, хладнокровный, задумчивый, но не высказалъ своего мнѣнія о предложенномъ планѣ.

Въ теченіе ночи наибольшая часть варнскаго гарнизона перебралась въ нашъ лагерь; но турецкіе солдаты еще не были обезоружены здѣсь. Утромъ, 29-го сентября, албанскіе конники, тѣлохранители

Юсуфа-паши, выступили, въ полномъ вооруженіи, изъ города, быстро помчались чрезъ весь нашъ лагерь къ палаткѣ, которая, по волѣ Государя, была отведена ихъ предводителю, и расположились вокругъ нея. Вслѣдъ за этими конниками прибыли, въ значительномъ числѣ, турецкіе и албанскіе офицеры и солдаты, большею частію спѣшенные, но всѣ вооруженные, образовали тамъ и здѣсь угрожающія группы и мало-по-малу сближались къ Императорской главной квартирѣ.

Въ эту минуту Императоръ Николай, сопровождаемый въ нѣкоторомъ отдаленіи иностранными посланниками, прохаживался съ великимъ княземъ Михаиломъ и графомъ Воронцовымъ, какъ будто въ лагерѣ не было ни одного непріятеля. Къ счастію, генералъ Бенкендорфъ замѣтилъ опасность, которая могла угрожать Государю со стороны фанатическихъ мусульманъ. Положеніе было таково, что имѣли поводъ опасаться злаго умысла или измѣны; но Преображенскій полкъ, занимавшій высоты, спустился съ нихъ бѣглымъ шагомъ, да кромѣ того прискакали во весь опоръ три эскадрона гусаръ, чтобы защитить и охранить Монарха, не подозрѣвавшаго опасности. Только теперь поспѣшили обезоружить турокъ, находившихся въ нашемъ лагерѣ; албанская же конница сложила оружіе по приказанію Юсуфа-паши.

Срокъ перемирія между тѣмъ оканчивался, а капитанъ-паша, заключившійся въ цитадели, все еще не соглашался ни на какія условія и отвѣчалъ, что не сдастъ города.

Ворота были разбиты топорами и наши безпрепятственно вступили въ нихъ съ барабаннымъ боемъ. Турки, находившіеся на бастіонахъ, спокойно оставили свои мѣста. Затѣмъ чрезъ брешь вошли, съ распущенными знаменами, тринадцатый и четырнадцатый егерскіе полки, послѣдуемые гвардейскимъ сапернымъ баталіономъ и Измайловскимъ полкомъ. Всѣ эти войска заняли, безъ выстрѣла, не только городъ, но и часть цитадели, гдѣ засѣлъ Ицетъ-Мехметъ-паша. Не думая о капитуляціи, онъ послалъ сказать Императору: «Если, до истеченія четырехъ часовъ, Ваше Величество не дозволите мнѣ присоединиться къ корпусу Омера-Вріоне, то я взорву цитадель вмѣстѣ съ храбрецами, поклявшимися раздѣлить мою участь».

— Въ первый разъ побѣжденный предписываетъ условія побѣдителю, отвѣчалъ Императоръ.—Скажите капитану-пашѣ, что я ува-

жаю мужество моихъ враговъ и не хочу ихъ гибели. Онъ имѣетъ право выйти съ тѣми, которые захотятъ сопровождать его.

Но прежде чѣмъ кончились эти странные переговоры, войска наши уже заняли цитадель и взяли въ плѣнъ капитана-пашу со всѣмъ отрядомъ.

Лишь только русское знамя появилось на стѣнахъ Варны, флотъ возвѣстилъ о паденіи крѣпости триста-однимъ выстрѣломъ.

Государь, изъ уваженія къ мужественной оборонѣ капитана-паши, позволилъ ему выйти изъ цитадели съ конвоемъ изъ четырехъ сотъ человѣкъ. Юсуфу же Императоръ разрѣшилъ сохранить при себѣ албанскую конницу и вмѣстѣ съ нею возвратиться въ Константинополь.

Торжественный въѣздъ Императора въ Варну былъ назначенъ только на слѣдующій день, потому что предварительно Его Величество хотѣлъ обозрѣть состояніе осадныхъ работъ, готовыхъ исчезнуть, и собственными глазами удостовѣриться въ тѣхъ преградахъ, надъ которыми надлежало восторжествовать для одолѣнія твердыни, такъ хорошо оборонявшейся. Сопровождаемый великимъ княземъ, графомъ Воронцовымъ, адмираломъ Грейгомъ и главнымъ штабомъ, Государь осмотрѣлъ траншеи, прикрытые пути, батареи; внимательно изслѣдовалъ все, что было сдѣлано нашими инженерами съ самаго начала осады до послѣднихъ дѣйствій, и что, по отзывамъ правдивыхъ знатоковъ, смѣлостью и могуществомъ средствъ атаки превосходило всѣ употреблявшіяся доселѣ фортификаціонныя средства; спускался въ ровъ для обзора трудныхъ минерныхъ работъ; взбирался на брешь и на валъ, еще увѣнчанный турами; видѣлъ и тѣ верки, которые атака и оборона оспаривали другъ у друга съ наибольшимъ упорствомъ при концѣ осады.

— Горжусь и восхищенъ всѣмъ, что видѣлъ, сказалъ Императоръ, обращаясь къ своей свитѣ.—Я едва могу освоиться съ мыслію, что мы овладѣли Варною: крѣпость слыла неодолимою, и дѣйствительно была такою для всякой другой арміи, кромѣ нашей. Послѣ подобнаго успѣха, мы смѣло можемъ начать новую кампанію.

Несмотря на продолжительную и стойкую оборону гарнизона, въ крѣпости были найдены большіе запасы оружія, пороха и снарядовъ, и сто-шестьдесятъ два орудія всѣхъ калибровъ. Тридцать знаменъ и штандартовъ, въ клочки изорванныхъ картечью, были взяты на

валахъ и немедленно отосланы въ С.-Петербургъ. Шесть тысячъ восемьсотъ плѣнныхъ направлены, нѣсколькими колоннами, на Тирасполь и на Кіевъ.

Въ приказѣ отъ 29-го сентября объявлены были войскамъ высочайшія удовольствіе и признательность. Гвардейскому саперному баталіону и 4-му саперному баталіону пожалованы георгіевскія знамена съ надписью: «За отличіе при осадѣ и взятіи крѣпости Варны», и такія же знамена 13-му и 14-му егерскимъ полкамъ съ надписью: «За отличіе при осадѣ и взятіи крѣпостей Анапы и Варны». Въ томъ же приказѣ были помѣщены и многочисленныя производства и награды между отличившимися генералами и офицерами.

На другой день, 30-го сентября, нашъ черноморскій флотъ, весь разукрашенный флагами, отвѣчалъ на выстрѣлы, раздававшіеся въ лагерѣ и на валахъ при въѣздѣ Императора въ Варну: войска стояли подъ ружьемъ и образовывали шпалеру; но это военное зрѣлище не привлекло любопытныхъ; городскіе дома казались опустѣлыми и ни одинъ обыватель не вышелъ на плоскую крышу своего жилища. Государь въѣхалъ верхомъ на конѣ, сопровождаемый великимъ княземъ; за ними слѣдовали чины главнаго штаба и иностранные посланники, кромѣ англійскаго. Улицы были полу-завалены грудами мусора, трупами людей и лошадей, распространявшими невыносимое зловоніе. Императоръ сошелъ съ коня у небольшой греческой церкви, какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшей посреди развалинъ. Здѣсь былъ отслуженъ благодарственный молебенъ. Православная божественная служба въ виду картины смерти и запустѣнія, умилительная хвалебная пѣснь Царю царствующихъ, произвели на всѣхъ присутствовавшихъ поразительное, неизгладимое впечатлѣніе.

Передъ отъѣздомъ изъ Варны, Государь самъ осмотрѣлъ всѣ ея оборонительные верки, приказалъ исправить и улучшить ихъ, назначилъ коменданта, опредѣлилъ цифру гарнизона, посѣтилъ затѣмъ собственно городъ, распорядился немедленнымъ принятіемъ мѣръ къ очищенію улицъ и уничтоженію слѣдовъ бомбардированія, указалъ на тѣ мѣста, гдѣ надлежало учредить госпитали и магазины, и повелѣлъ озаботиться скорѣйшимъ открытіемъ порта.

1-го октября, въ праздникъ Покрова Богородицы, отслуженъ былъ на берегу моря, насупротивъ Варны, благодарственный молебенъ въ присутствіи всѣхъ войскъ. Когда умолкли выстрѣлы съ флота и съ

крѣпостныхъ валовъ, Государь приблизился къ гвардейскому саперному баталіону, самъ прикрѣпилъ георгіевскій крестъ къ новопожалованному знамени и обратился къ саперамъ съ слѣдующими словами:

«Вы вполнѣ заслужили такое отличіе. Мнѣ пріятно, что вы не забыли словъ покойнаго Императора, который, вручая знамя, сказалъ: «При первомъ случаѣ, вы обмѣняете это знамя на георгіевское. Осада Варны, благодареніе Богу, не обманула моихъ ожиданій».

Послѣ смотра войскъ, Государь опять остановился передъ фронтомъ гвардейскаго сапернаго баталіона и сказалъ:

«Мы взяли Варну и вы, саперы, много содѣйствовали тому. Поздравляю васъ съ георгіевскимъ знаменемъ!.. Меня, вашего стараго сослуживца, вы порадовали наилучшимъ праздникомъ въ варнской траншеѣ».

Первоначально Императоръ думалъ возвратиться въ Россію сухимъ путемъ; но, внявъ убѣжденію Бенкендорфа, что дороги размыты дождями, что болота Добруджи непроходимы и что страна наполнена разбойниками, согласился отослать свою дорожную коляску въ Одессу и самъ отплыть туда. Великій князь Михаилъ также желалъ, чтобы Государь отправился сухопутно, съ кавалерійскимъ конвоемъ; но адмиралъ Грейгъ увѣрялъ, что переѣздъ моремъ будетъ и скорѣе, и безопаснѣе, въ виду весьма благопріятнаго состоянія погоды.

Утромъ, 2-го октября, Императоръ перешелъ съ корабля «Городъ Парижъ» на корабль «Императрица Марія», который поднялъ паруса при столь попутномъ вѣтрѣ, что можно было надѣяться чрезъ три дня достигнуть Одессы. Въ то же время отплылъ и фрегатъ «Пантелеймонъ», на которомъ находились графъ Нессельроде и всѣ иноземные посланники. Послѣ тридцати-шестичасоваго наилучшаго плаванія, вѣтеръ вдругъ измѣнился и вскорѣ забушевалъ съ такою силою, что надлежало закрѣпить паруса и отдаться на произволъ шторма. Густой туманъ разлучилъ оба судна, до сихъ поръ ни на минуту не терявшія другъ друга изъ вида. Штормъ между тѣмъ усиливался въ ужасающихъ размѣрахъ. Бизань-мачта (кормовая) и такелажъ были разбиты въ куски на кораблѣ «Императрица Марія»; страшное волненіе не позволяло и думать объ исправленіи поврежденій и о какомъ-либо маневрированіи; утвердили, вслѣдствіе того,

руль и пустили судно идти дрейфомъ. На кораблѣ господствовало невыразимое смятеніе; всѣ пассажиры были больны и лежали въ повалку; на лицахъ матросовъ отражалось мрачное отчаяніе; одинъ Императоръ сохранялъ спокойствіе и хладнокровіе; онъ помѣщался между деками съ Бенкендорфомъ и графомъ Потоцкимъ и, подобно имъ, долженъ былъ крѣпко ухватиться за перегородки, чтобы не быть опрокинутымъ. Когда же Государь хотѣлъ выйти на палубу и отдать нѣкоторыя приказанія экипажу, командиръ корабля, капитанъ Папа-Христо, заступивъ ему дорогу, сказалъ сурово:

— Государь! Я одинъ здѣсь хозяинъ и никто другой, даже Ваше Величество не имѣете права распоряжаться на моемъ суднѣ.

— Справедливо! Исполняйте же свою обязанность, капитанъ: во всемъ прочемъ положимся на Бога, отвѣчалъ Императоръ.

Страшный штормъ продолжался двадцать-четыре часа; компасъ не дѣйствовалъ; но командиръ судна могъ сообразить, къ своему отчаянію, что вѣтеръ гналъ къ Босфору и что въ теченіе двадцати часовъ корабль уклонился на шестьдесятъ миль. Папа-Христо счелъ своею обязанностью извѣстить о томъ Императора, который сказалъ ему спокойно:

— Богъ милостивъ, капитанъ! Питаю крѣпкую надежду, что Онъ не оставитъ насъ.

Достовѣрно извѣстно, что Императоръ Николай положилъ въ душѣ твердое намѣреніе не отдаваться живымъ въ руки султана Махмуда.

— Представь себѣ, что Русскій Царь можетъ быть взятъ въ плѣнъ турками, сказалъ онъ Бенкендорфу.

— Это едва не случилось съ Петромъ Великимъ! отвѣчалъ Бенкендорфъ грустно.

— Да; но Петръ Великій предпочелъ бы смерть плѣну, замѣтилъ Государь съ холодною и твердою рѣшимостью.

Когда туманъ разсѣялся, корабль былъ въ виду турецкихъ береговъ; къ счастію, штормъ скоро утихъ, и судно, несмотря на свои поврежденія, могло направить курсъ къ Одессѣ.

Императоръ, спокойствіе души котораго не возмущалось ни на одно мгновеніе, думалъ и сожалѣлъ только объ одномъ:

— Я непремѣнно хотѣлъ быть въ Петербургѣ ко дню рожденія

Матушки (14-го октября), а теперь, вѣроятно, буду лишенъ этого удовольствія.

Стужа была невыносимая; мелкій, холодный дождь не переставалъ; всѣ, за исключеніемъ Государя, едва держались на ногахъ отъ изнуренія; каждый желалъ поскорѣе добраться до мѣста отдыха. Наконецъ, чрезъ шесть дней, вечеромъ, 8-го октября, корабль вошелъ на одесскій рейдъ. Было непроницаемо темно; дождь продолжался; надлежало прибѣгнуть къ ночнымъ сигналамъ, чтобы довести судно до берега. Государь сошелъ въ шлюпку съ генераломъ Бенкендорфомъ и графомъ Потоцкимъ, и лишь только ступилъ на берегъ, пушечный выстрѣлъ въ портѣ возвѣстилъ о его прибытіи жителямъ Одессы, которые трое сутокъ, пока свирѣпствовалъ штормъ, находились въ неописанномъ страхѣ за жизнь Монарха и теперь бросились встрѣчать его. Великій князь Михаилъ прислалъ изъ лагеря подъ Варною (гдѣ онъ оставался до размѣщенія войскъ на зимнія квартиры) въ Одессу своего адъютанта освѣдомиться о судьбѣ Государя, потому что буря охватила, съ одинаковою силою, всѣ берега Турціи, и нашъ флотъ потерпѣлъ много, несмотря на хорошую якорную стоянку. Въ варнскомъ лагерѣ большая часть палатокъ была опрокинута, изорвана или снесена.

О судьбѣ фрегата «Пантелеймонъ» никто ничего не зналъ. Разнесся слухъ о его безслѣдной гибели, и только на другой день пріѣзда Государя въ Одессу успокоились на счетъ этого судна. По разсказамъ, поразительно-страшныя сцены совершались во время шторма на «Пантелеймонѣ». Лишившись всѣхъ мачтъ, фрегатъ носился по волѣ вѣтровъ и волнъ, и когда капитанъ объявилъ пассажирамъ, что одно чудо можетъ спасти ихъ, всѣ начали готовиться къ смерти: офицеры, матросы, члены дипломатическаго корпуса стояли, во фрегатской церкви, на колѣняхъ, закутанные въ саваны; іеромонахъ читалъ разрѣшительныя молитвы... Четыре дня и четыре ночи «Пантелеймонъ» былъ игрушкою шторма, прежде чѣмъ достигъ севастопольскаго порта, гдѣ пассажиры сошли на берегъ полумертвые отъ страха, усталости, голода и холода.

Императоръ пробылъ въ Одессѣ два часа: онъ успѣлъ только перемѣнить одежду, покрѣпить себя пищею, написать нѣсколько строкъ великому князю и прочитать депеши отъ Воронцова, Дибича и Витгенштейна. Въ три часа утра, Его Величество выѣхалъ при самой

ненастной погодѣ. Грусть, отражавшаяся на лицѣ Государя, сообщилась всѣмъ присутствовавшимъ. Когда онъ, садясь въ коляску съ Бенкендорфомъ, сказалъ: «Прощайте, господа!» голосъ его дрожалъ и какъ будто въ самыхъ звукахъ слышались затаенныя слезы.

Въ это мгновеніе, какъ разсказывалъ впослѣдствіи самъ Николай Павловичъ, онъ вдругъ почувствовалъ близость великаго несчастія, не отдавая себѣ отчета, какое именно горе готово поразить его.

Торопясь прибыть въ Петербургъ ко дню рожденія Императрицы-матери, Государь, въ теченіе шести сутокъ, останавливался только для перемѣны лошадей. Никогда не ѣздилъ онъ съ такою быстротою, и, однакожъ, ему казалось, что лошади мчались не довольно скоро.

14-го октября, въ десять часовъ утра, въ Царское Село совершенно неожиданно прибылъ Государь Императоръ; онъ хотѣлъ пріѣхать незамѣтно; но народъ, увидавъ его коляску, быстро сталъ собираться толпами, такъ что коляска съ трудомъ могла двигаться среди ликующихъ гражданъ, громко привѣтствовавшихъ своего повелителя. «Здравствуйте, дѣти!» повторялъ Государь, и громкое, задушевное «ура» народа отвѣчало на его привѣтствія. Подъѣхавъ ко дворцу, Государь спросилъ старика-сторожа: «Ну, что у васъ новаго? Какъ поживаютъ?» на что послѣдній отвѣчалъ, что Императрица-мать все еще нездорова. Не медля ни минуты, Государь приказалъ ѣхать въ Петербургъ и менѣе чѣмъ черезъ часъ, не заѣзжая въ Казанскій соборъ, какъ онъ всегда имѣлъ обыкновеніе, былъ уже въ Зимнемъ дворцѣ. Поздоровавшись съ Императрицей Александрой Ѳеодоровной, онъ прошелъ къ Императрицѣ-матери, которая, обрадованная его пріѣздомъ, сказала, что главной причиной болѣзни было его отсутствіе, и что, увидавъ его, она чувствуетъ себя лучше. Отъ постели больной, Государь вмѣстѣ съ Супругой и Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, при радостныхъ кликахъ народа, поѣхалъ въ Казанскій соборъ, гдѣ было отслужено благодарственное Господу Богу молебствіе по случаю благополучнаго возвращенія въ столицу. Трудно описать восторгъ народа: стѣны домовъ дрожали отъ безконечнаго «ура», тысячи шляпъ и фуражекъ летѣли въ воздухъ; это было не только привѣтствіе Государя и побѣдителя Варны, а скорѣе выраженіе сердечной, задушевной радости дѣтей, обожающихъ своего отца.

5-го ноября, въ 2 часа утра, по заунывному звону колоколовъ жители Петербурга узнали, что Императрица-мать скончалась, а на другой день былъ обнародованъ манифестъ, возвѣстившій о тяжкой потери, понесенной Царской Семьей и Росссій, и призывавшій гражданъ вознести молитвы Всевышнему объ упокоеніи души усопшей Императрицы-матери.

Первое извѣстіе съ театра войны, полученное Императоромъ въ Петербургѣ, было извѣстіе о взятіи Калафата русскими войсками, подъ начальствомъ генерала Гейсмара, за что послѣдній и былъ назначенъ генералъ-адъютантомъ. Разсказываютъ, что, во время взятія этой крѣпости, одинъ изъ солдатъ Эриванскаго полка завладѣлъ турецкимъ знаменемъ, выставленнымъ на валу; но, не будучи въ состояніи идти дальше, вслѣдствіе полученной смертельной раны, закричалъ своимъ товарищамъ: «Прощайте, братцы, я умираю, знамя взято, теперь берите городъ». И воодушевленные солдаты, оказавъ чудеса храбрости и самоотверженія, исполнили завѣтъ погибшаго товарища—взяли городъ. Когда объ этомъ доложено было Государю, онъ приказалъ разыскать семью убитаго, щедро одарилъ ее и матери храбреца пожаловалъ золотой крестъ съ надписью: «Твой сынъ умеръ героемъ, да благословитъ его Богъ». Разсказываютъ также, что, въ происходившемъ немного спустя послѣ того сраженіи подъ Шумлой, одна изъ непріятельскихъ гранатъ упала въ зарядный ящикъ. Замѣтивъ это, унтеръ-офицеръ Колоколовъ подбѣжалъ къ ящику и, при помощи еще двухъ товарищей, началъ выбрасывать заряды изъ этого ящика и, такимъ образомъ, предупредилъ большое несчастіе отъ взрыва. Государь произвелъ за этотъ подвигъ унтеръ-офицера Колоколова въ поручики и сказалъ при этомъ генералу Бенкендорфу: «Я не былъ бы ни минуты спокоенъ, если бы зналъ, что одинъ изъ моихъ подданныхъ, совершившихъ подвигъ изъ преданности отечеству, былъ не награжденъ. Поэтому я долженъ знать все то, что дѣлается въ государствѣ: отецъ не имѣетъ права не знать, ведутъ ли себя его дѣти хорошо или худо».

13-го января 1829 года, подъ предводительствомъ генераловъ Ланжерона и Малиновскаго, наши храбрыя войска съ ожесточеннаго боя взяли крѣпости Кале и Тырново. Вскорѣ послѣ взятія этихъ крѣпостей, адмиралъ Грейгъ занялъ Сизополь, укрѣпленный городъ на берегу Чернаго моря, а на Кавказѣ наши войска, завладѣвъ Кар-

сомъ, быстро заняли Ахалцыхъ, Поти, Баязетъ, Топрахъ-Кале; сорока-тысячная непріятельская армія болѣе не существовала; весь пашалыкъ Карсскій, а также Ахалцыхскій были заняты, и изъ жителей этихъ областей были сформированы дружины пѣшей и конной милиціи для увеличенія силъ нашей арміи.

Между тѣмъ война все еще продолжалась; въ концѣ января 1829 года нашъ посланникъ въ Персіи, статскій совѣтникъ Грибоѣдовъ былъ умерщвленъ толпой, да и самъ шахъ, побуждаемый турецкимъ правительствомъ, сталъ непріязненно относиться къ русскимъ, такъ что можно было ожидать, что Персія объявитъ Россіи войну; но Паскевичъ съумѣлъ предотвратить это: онъ убѣдилъ Аббасъ-мирзу немедленно послать сына своего Хозрева къ Императору просить прощенія за убійство Грибоѣдова и другихъ русскихъ въ Тегеранѣ. Хозревъ въ Петербургѣ, въ торжественной аудіенціи, въ присутствіи всѣхъ иностранныхъ пословъ, у подножія Русскаго престола просилъ Императора предать вѣчному забвенію убійство Грибоѣдова и не нарушать дружественныхъ отношеній, существовавшихъ прежде между Персіей и Россіей. Государь согласился—и простилъ.

Государь Императоръ отправился въ маѣ со своимъ Августѣйшимъ семействомъ для коронованія въ Варшаву. Изъ Варшавы, по окончаніи коронованія, 30-го мая Императрица съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ отправилась въ Берлинъ, куда черезъ два дня отправился и Императоръ Николай. Здѣсь Государь получилъ донесеніе о подвигѣ нашего моряка Козарскаго, командовавшаго бригомъ «Меркурій», который, будучи атакованъ 2-мя стопушечными турецкими кораблями, заставилъ ихъ удалиться послѣ трехчасоваго ожесточеннаго боя. Государь Императоръ, обрадованный этимъ извѣстіемъ, пожаловалъ Георгіевскій флагъ бригу и приказалъ на вѣчныя времена, когда бригъ придетъ въ негодность, строить по тому же рисунку другой бригъ, который, сохраняя Георгіевскій флагъ, долженъ носить названіе «Память Меркурія». Командиръ брига, капитанъ-лейтенантъ Козарскій назначенъ былъ флигель-адъютантомъ Его Величества съ производствомъ въ слѣдующій чинъ, всѣ остальные офицеры произведены также въ слѣдующіе чины и получили право имѣть въ своемъ гербѣ пистолетъ.

Возвратившись въ Варшаву, Государь получилъ донесеніе отъ главнокомандующаго дунайской арміей графа Дибича, замѣнившаго

удрученнаго лѣтами и болѣзнію графа Витгенштейна, о побѣдѣ подъ Кулевчи, небольшой деревней близь крѣпости Шумлы. Въ этой крѣпости находились главныя турецкія силы; но атаковать ихъ не представлялось ни малѣйшей возможности вслѣдствіе ея неприступности, а потому Дибичъ рѣшился хитростью увлечь турокъ изъ этой неприступной позиціи; съ этою цѣлью, онъ, оставаясь съ главными силами подъ Силистріей, расположилъ невдалекѣ отъ Шумлы, въ г. Праводахъ, незначительный корпусъ генерала Рота. Турки, разсчитывая на удаленіе главныхъ силъ русской арміи, рѣшились выйдти изъ крѣпости, чтобы уничтожить отрядъ Рота. Сорокъ тысячъ человѣкъ обложили г. Праводы, въ которомъ было расположено четыре пѣхотныхъ полка подъ начальствомъ генерала Куприянова. Генералъ Ротъ, сдѣлавъ тотчасъ донесеніе графу Дибичу о выступленіи турокъ изъ Шумлы, занялъ деревню Эски-Арнаутъ-ларъ. Графъ Дибичъ, поручивъ осаду Силистріи генералу Красовскому, послѣ пятидневныхъ усиленныхъ и скрытыхъ маршей, соединился съ генераломъ Ротомъ и сталъ съ главными силами въ селѣ Кулевчѣ, на сообщеніи непріятеля съ Шумлой. Визирь, узнавъ о положеніи русскихъ въ тылу его, и предполагая, что то были войска Рота, снялъ осаду Праводъ, и со всею арміею двинулся къ тѣснинамъ Кулевчинскимъ, въ надеждѣ истребить этотъ отрядъ. Но здѣсь онъ неожиданно встрѣтилъ цѣлую армію. Напрасны были всѣ усилія визиря пробиться къ Шумлѣ: продолжительная и кровопролитная битва окончилась рѣшительнымъ пораженіемъ непріятельской арміи. Самъ верховный визирь едва спасся отъ плѣна съ небольшими остатками своей многочисленной кавалеріи. Его экипажъ, весь обозъ и артиллерія остались въ рукахъ побѣдителей. Послѣдствія этой битвы были огромны: сдача Силистріи, переходъ русскихъ черезъ Балканскій хребетъ, покореніе Месемвріи, Ахіола, Бургаса, Карнабата и, наконецъ, занятіе древней столицы султановъ, знаменитаго въ византійскихъ лѣтописяхъ Адріанополя.

Въ то время, какъ судьба Оттоманской имперіи рѣшилась на равнинахъ Кулевчи, Паскевичъ дѣйствовалъ не менѣе удачно въ Азіи. Весною 1829 года сераскиръ эрзерумскій, собравъ 50,000 армію, намѣревался, согласно повелѣнію султана, истребить малочисленный корпусъ Паскевича, расположенный лагеремъ въ окрестностяхъ Карса. Поставивъ съ этою цѣлью помощника своего, Гакки-пашу съ

20,000 войска предъ фронтомъ русскихъ, съ остальными онъ полагалъ обойти ихъ съ фланга; но Паскевичъ быстрымъ переходомъ черезъ высокій Саганлугскій хребетъ, покрытый снѣгомъ, разстроилъ предположенія непріятеля, и послѣ двукратнаго боя при селеніяхъ Каинлы и Милли-дюзъ, разсѣялъ оба турецкіе отряда, при чемъ и самъ Гакхи-паша былъ взятъ въ плѣнъ. Вмѣстѣ съ вѣстью объ одержанной русскими побѣдѣ, Паскевичъ неожиданно явился подъ стѣнами Эрзерума, столицы Анатоліи. Сераскиръ хотѣлъ-было защищаться, но охватившій народонаселеніемъ ужасъ побудилъ его сдаться. Арміи непріятельской не существовало. Пораженіе при Байбуртѣ новаго главнокомандующаго, присланнаго султаномъ, открыло Паскевичу безпрепятственный путь къ завоеванію всей Анатоліи. Извѣстіе о начатіи мирныхъ переговоровъ остановило дальнѣйшіе успѣхи побѣдоноснаго полководца.

9-го іюня, на Марсовомъ полѣ, было отслужено торжественно молебствіе, при совершеніи котораго на площади развивались турецкія знамена, взятыя въ послѣднихъ сраженіяхъ. Государь щедро наградилъ графа Дибича, генерала Толя, Рота, Палена, Красовскаго и другихъ, инженеровъ и офицеровъ, а также пожаловалъ многимъ нижнимъ чинамъ Георгіевскіе кресты за особые подвиги, такъ напримѣръ, два солдата Софійскаго полка, Антоновъ и Залѣтовъ, получили эту награду за то, что они, увидя упавшую въ траншею турецкую гранату съ горѣвшей еще трубкой, рискуя своей жизнью, бросились къ ней; первый началъ засыпать землей, а второй залилъ горящій фитиль водой изъ манерки.

Положеніе султана было безнадежно; изъ многочисленной его арміи при немъ осталось только 3,000 человѣкъ. Въ окрестностяхъ Константинополя стали уже появляться казацкіе разъѣзды; въ 70-ти верстахъ отъ столицы стояло русское войско. Буйная чернь, раздраженная постоянными неудачами, громко выражала намѣреніе свое зажечь со всѣхъ сторонъ городъ и предаться грабежу и всѣмъ неистовствамъ. Не имѣя средствъ предотвратить безначаліе и опасаясь за самое существованіе своей имперіи, потрясенной непрерывными пораженіями, султанъ Махмудъ II рѣшился, наконецъ, обратиться къ великодушію Россійскаго Императора. Уполномоченные имъ турецкіе сановники явились въ Адріанополь къ графу Дибичу, съ просьбою даровать Турціи миръ. Военныя дѣйствія немедленно были

прекращены, и 2-го сентября 1828 года былъ подписанъ мирный договоръ.

Въ силу Адріанопольскаго мира, православные греки, поголовно возставшіе противъ притѣснителей-турокъ, получили свободу и образовали особое независимое Греческое королевство, Россія же пріобрѣла восточные берега Чернаго моря и право свободнаго плаванія по рѣкѣ Дунаю.

Государь Императоръ, желая наградить своихъ главнокомандующихъ, повелѣлъ графу Дибичу именоваться Забалканскимъ, а графу Паскевичу—Эриванскимъ, пожаловалъ имъ ордена Георгія I-й степени и назначилъ ихъ шефами полковъ, наиболѣе отличившихся въ ихъ арміяхъ.

17-го сентября, въ полдень, выстрѣлы съ Петропавловской крѣпости извѣстили жителей столицы о заключеніи мира съ Турціей. Толпы народа наводняли улицы Петербурга; всѣ радовались, ликовали; то тамъ, то здѣсь раздававшееся «ура» было выраженіемъ всеобщаго восторга, который испытывалъ всякій при мысли, что война окончена побѣдоносно.

Графъ Дибичъ послалъ курьера къ Паскевичу съ извѣстіемъ о заключеніи мира; между тѣмъ, Паскевичъ уже успѣлъ занять Трапезондъ, преодолѣвъ страшныя природныя препятствія.

22-го сентября Государь возвелъ графа Дибича-Забалканскаго и графа Паскевича-Эриванскаго въ званіе фельдмаршаловъ.

Въ память этой войны была учреждена медаль на георгіевской лентѣ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Болѣзнь Императора.—Открытіе польскаго сейма. — Появленіе холеры въ Россіи.—Бунтъ въ Варшавѣ.—Усмиреніе Польши.—Безпорядокъ въ Петербургѣ. — Столѣтіе 1-го кадетскаго корпуса.—Калишскіе маневры. — Путешествіе на Кавказъ.—Пожаръ въ Зимнемъ дворцѣ. — Возсоединеніе уніатовъ.—Открытіе Бородинскаго памятника. — Бракъ Наслѣдника Цесаревича. — Постройка желѣзной дороги изъ Петербурга въ Москву. — Венгерскій походъ. — Крымская война.— Смерть Императора.

Во время пребыванія Государя въ Петербургѣ, въ ночь съ 9-го на 10-е ноября 1829 года, Николай Павловичъ, бывъ разбуженъ шумомъ упавшей въ сосѣдней комнатѣ вазы, гдѣ спалъ Наслѣдникъ, направился въ комнату сына. Проходя черезъ залъ, паркетъ котораго былъ очень скользокъ, онъ поскользнулся и упалъ во весь ростъ, при чемъ головой ударился о стоявшую тутъ мебель, и долгое время пролежалъ безъ чувствъ на холодномъ полу. Поднятый и положенный въ постель, онъ долго бредилъ. Почти двѣ недѣли Императоръ не вставалъ съ постели. Все это время вокругъ дворца толпился народъ, желая узнать о состояніи здоровья своего Царя. Болѣзнь Государя надѣлала много шуму и за-границею.

Во время болѣзни, желая почтить память своего великаго брата и руководителя, покойнаго Императора Александра Благословеннаго, за его заслуги и труды для благоденствія, славы и счастія Россіи, Государь самъ начерталъ проектъ памятника Императору Александру I, къ сооруженію котораго было приступлено подъ наблюденіемъ архитектора Исаакіевскаго собора Монферана.

Нездоровье Императора продолжалось болѣе 6 недѣль. 12 января 1830 г. Государь поправился ужь на столько, что присутствовалъ на разводѣ Измайловскаго полка. Полкъ встрѣтилъ его восторженнымъ «ура», которое не умолкало, несмотря на раздавшуюся команду. Государь обратился къ принцу Альберту Прусскому, бывшему вмѣстѣ съ нимъ: «Вотъ странное нарушеніе правилъ, но у меня не хватаетъ духу наказать ихъ за высказываемую мнѣ привязанность вопреки закону и дисциплинѣ! Они рады видѣть меня живымъ, какъ будто бы Моя смерть была объявлена въ приказѣ».

Императоръ Николай I на Сѣнной площади во время холеры

— Это дѣти, снова увидавшіе своего отца, сказалъ съ чувствомъ принцъ Прусскій.

Въ январѣ послѣдовало прибытіе турецкаго посольства, которое привезло съ собою драгоцѣнные подарки Государю и Государынѣ. Въ числѣ этихъ подарковъ находились замѣчательные по своей красотѣ и рѣдкости сѣдло, чепракъ, уздечка, отдѣланные драгоцѣнными камнями; золотой ларецъ чеканной работы со вдѣланными громадными брилліантами; гребень, украшенный большими брилліантами-солитерами; сабля съ особеннымъ клинкомъ и золотыми ножнами, усѣянными драгоцѣнными каменьями, кашемировыя шали и т. п. Всѣ эти предметы до сихъ поръ можно видѣть въ Царскосельскомъ дворцѣ и арсеналѣ. 9 февраля послѣдовало торжественное принятіе турецкихъ уполномоченныхъ въ Зимнемъ дворцѣ. Въ то же время стали приходить въ Петербургъ гвардейскіе полки, бывшіе на войнѣ; они были встрѣчаемы съ большимъ восторгомъ.

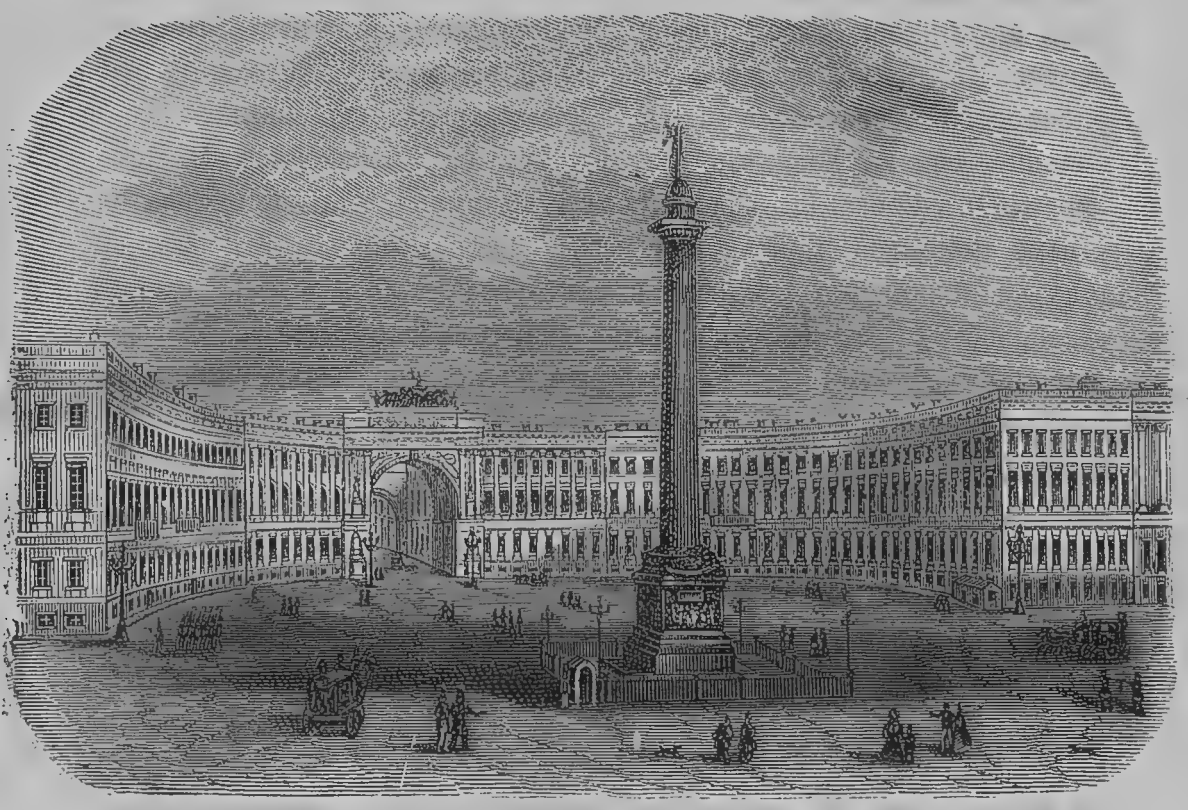
Въ числѣ различныхъ Высочайшихъ указовъ, относящихся до этого времени, замѣчателенъ указъ 1-го февраля 1830 года объ устройствѣ кадетскихъ корпусовъ въ городахъ: Новгородѣ, Тулѣ, Тамбовѣ, Полоцкѣ, Полтавѣ и Елисаветградѣ, каждый на 400 человѣкъ.

Желая лично открыть польскій сеймъ, Государь 14 мая 1830 г., вмѣстѣ съ Государыней Императрицей, выѣхалъ изъ Петербурга въ Варшаву, а 20 числа Императоръ былъ уже въ Варшавѣ. 24 числа, въ годовщину коронованія Государя, какъ Короля Польскаго, Императоръ и Императрица принимали поздравленія сената, высшихъ сановниковъ, дворянства и офицеровъ. 28 мая съ большою торжественностью открылся сеймъ рѣчью Государя, въ которой онъ выразилъ свой взглядъ на главнѣйшія дѣла, подлежащія разсмотрѣнію. По открытіи сейма Государь временно оставилъ Варшаву, чтобы произвести смотры войскамъ. 27 числа сеймъ окончилъ свои засѣданія, а черезъ 2 дня Императоръ простился съ войскомъ. Государь былъ очень тронутъ восторгомъ, который выказывали ему.

— Я чувствую—сказалъ онъ великому князю Константину Павловичу—что я Король Польскій, и надѣюсь, что рано или поздно заставлю моихъ польскихъ подданныхъ полюбить меня.

6 іюля Государь и Государыня прибыли обратно въ Петергофъ.

Въ тотъ же день прибылъ съ Кавказа фельдмаршалъ графъ Паскевичъ-Эриванскій. 7-го числа на парадѣ, бывшемъ по случаю дня рожденія Его Величества, Государь, приблизившись съ Паскевичемъ къ войскамъ, провозгласилъ: «Ребята, предъ вами славный и неустрашимый побѣдитель Евфрата! Слушай! на-караулъ!» Громкое «ура», звуки трубъ и барабанный бой огласили воздухъ; войска взяли



Памятникъ Императору Александру I и Парижская арка.
(См. стран. 55).

на-караулъ, знамена преклонились. Славный полководецъ былъ славно награжденъ за свои подвиги.

Отпраздновавъ день своего рожденія, Государь посѣтилъ Кронштадтъ, гдѣ стоялъ нашъ Балтійскій флотъ. Осмотрѣвъ флотъ, Государь присутствовалъ на пятидневныхъ маневрахъ, происходившихъ между Петергофомъ и Гатчиной.

По окончаніи маневровъ, Императоръ предпринялъ поѣздку въ Финляндію, чтобы видѣть эту страну и ознакомиться съ ея нуждами.

Посѣтивъ Финляндію, Государь, желавшій постепенно все видѣть

собственными глазами, предпринялъ поѣздку въ Новгородскія военныя поселенія; но осмотръ ихъ былъ прерванъ извѣстіемъ о томъ, что холера все болѣе и болѣе усиливается. Эта ужасная болѣзнь появилась впервые въ Индіи; въ предѣлахъ Россіи она въ первый разъ показалась въ Астрахани въ 1817 году, а затѣмъ въ 1830. Медики не находили средствъ бороться съ нею; полагали сначала, что она заразительна, но впослѣдствіи многократный опытъ доказалъ противное: самое близкое сообщеніе съ больными было безвредно. Въ 1830 году эта болѣзнь, появившаяся въ Астрахани, стала распространяться въ южныхъ и приволжскихъ губерніяхъ все съ большею силою. Узнавъ объ этомъ, Государь поспѣшилъ въ Петербургъ. Онъ приказалъ сформировать коммисію, подъ предсѣдательствомъ министра внутреннихъ дѣлъ графа Закревскаго, изъ высшихъ сановниковъ, ученыхъ и докторовъ, для изысканія средствъ къ борьбѣ съ этимъ страшнымъ врагомъ человѣчества. Благодаря изысканнымъ коммисіей средствамъ, число заболѣваній значительно уменьшилось, и можно было надѣяться на скорое прекращеніе эпидеміи. Всѣ ожили и развеселились; но эта радость была непродолжительна; въ то самое время, когда народъ наполнялъ храмы, вознося Богу благодарственныя молитвы за избавленіе отъ холеры, изъ Москвы прибылъ курьеръ съ донесеніемъ, что въ первопрестольной столицѣ стали часто повторяться случаи заболѣванія этою болѣзнью, а вслѣдъ за тѣмъ получено было и другое извѣстіе, что болѣзнь быстро развивается, такъ что жителямъ Москвы грозитъ серьезная опасность. Узнавъ объ этомъ, Государь тотчасъ же рѣшилъ ѣхать въ Москву. На всѣ увѣщанія Императрицы и близкихъ лицъ не подвергать себя опасности, онъ отвѣчалъ: «Долгъ призываетъ меня въ Москву, и я отправлюсь туда». И дѣйствительно, взвившійся черезъ нѣсколько дней надъ кремлемъ Императорскій штандартъ, звукъ колоколовъ и громъ пушечныхъ выстрѣловъ возвѣстили жителямъ Бѣлокаменной, что Государь находится среди нихъ. Москвичи были поражены этимъ: они хорошо понимали, что всякій былъ готовъ бѣжать изъ Москвы, но ни у кого не могло и явиться мысли ѣхать въ тотъ городъ, гдѣ свирѣпствовала ужасная болѣзнь; на это могъ рѣшиться только Императоръ. Всякій понималъ, что это есть высшее проявленіе любви отца къ дѣтямъ, всякій благословлялъ его въ своемъ сердцѣ, на него одного возлагалъ надежды! И эти на-

дежды оправдались; присутствіе Государя принесло несомнѣнную пользу: начавшіеся-было въ городѣ безпорядки прекратились, всѣ обыватели безпрекословно стали исполнять требованія полиціи и санитарной коммисіи, смертность начала уменьшаться. Чтобы не дать возможности холерѣ распространиться за предѣлы города, вокругъ былъ разставленъ кордонъ, по всѣмъ путямъ были устроены заставы, въ которыхъ всѣ проѣзжающіе должны были выдерживать карантинъ. Даже самъ Императоръ подчинился этому правилу: на возвратномъ пути въ Петербургъ, онъ пробылъ шесть дней въ Твери, исполняя въ точности всѣ установленныя санитарныя требованія.

Между тѣмъ какъ Государь и правительство заботились о прекращеніи холеры, въ Польшѣ подготавливалось возстаніе, и 17-го ноября 1830 года начался открытый бунтъ въ Варшавѣ. Мятежники бросились къ Бельведерскому дворцу, гдѣ находился Цесаревичъ Константинъ Павловичъ, и къ казармамъ русскихъ войскъ съ цѣлью ихъ обезоружить; но Провидѣніе спасло Цесаревича и русскія войска, бывшія въ Варшавѣ въ числѣ семи тысячъ человѣкъ. И Цесаревичъ, и войска успѣли выйти изъ возмутившагося города; мятежъ быстро распространился по всей Польшѣ, такъ что нужно было прибѣгнуть къ силѣ оружія для возстановленія порядка. Въ январѣ 1831 г. сто двадцать тысячъ человѣкъ, подъ командой графа Дибича-Забалканскаго, повелѣно было двинуть въ Польшу. Фельдмаршалъ съ большею частью этихъ войскъ двинулся на главныя силы мятежниковъ, стоявшія въ числѣ 90 тысячъ между Минскомъ и Прагою. Поляки хотѣли остановить русскую армію и упорно оспаривали каждый шагъ; но графъ Дибичъ заставилъ ихъ отступить къ Вислѣ; 13-го февраля, недалеко отъ Варшавы, при селеніи Гроховѣ, произошла рѣшительная битва, въ которой мятежники были разбиты на-голову; но занять Варшаву еще не было возможности, а между тѣмъ поляки собирали новыя силы. Въ маѣ графъ Дибичъ нанесъ имъ новое пораженіе при Остроленкѣ, но не успѣлъ пожать плодовъ своей побѣды: онъ умеръ отъ холеры, которая начала сильно развиваться въ войскахъ. Болѣзнь эта снова начала распространяться по нашему отечеству и достигла Петербурга. По повелѣнію Государя, въ столицѣ приняты были самыя рѣшительныя мѣры: каждый изъ городскихъ кварталовъ былъ порученъ над-

зору особаго попечителя, на обязанности котораго лежало лично посѣщать всѣ дома своего участка и наблюдать за исполненіемъ требованій санитарной коммисіи. Запрещены всякаго рода сборища народа; покойниковъ приказано было вывозить и хоронить тотчасъ же въ указанныхъ мѣстахъ, не ожидая трехдневнаго срока. Но народъ не понялъ истинной цѣли этихъ мѣръ и истолковалъ ихъ въ совершенно противоположномъ смыслѣ. Начали поговаривать, что холеры никакой нѣтъ, а что доктора, подкупленные поляками, отравляютъ народъ, а потому врачамъ стали препятствовать входить въ дома, покойниковъ не стали выдавать; народъ сталъ собираться на площадяхъ, громко требуя казни докторовъ и открытія церквей, закрытыхъ во избѣжаніе скопленія въ нихъ народа. Пришлось назначить военныя команды для сопровожденія покойниковъ и врачей.

Императоръ въ это время былъ въ Петергофѣ, оплакивая своего любимаго брата, Цесаревича Константина Павловича, умершаго отъ холеры; но, узнавъ о безпорядкахъ въ Петербургѣ, онъ тотчасъ сѣлъ съ княземъ Меньшиковымъ въ коляску и поѣхалъ въ столицу. Государь проѣхалъ прямо на Сѣнную площадь, гдѣ около церкви стояла громадная толпа народа, тотчасъ же затихшая и снявшая шапки при видѣ Государя. Поднявшись въ коляскѣ во весь ростъ, Государь строгимъ голосомъ сказалъ: «Зачѣмъ вы здѣсь? Что вамъ нужно? Чего хотите? Вѣнчаясь на царство, я поклялся поддерживать порядокъ и законы. Я исполню мою присягу. Я добръ для добрыхъ, но горе тѣмъ, кто позволитъ себѣ противиться моимъ повелѣніямъ! Къ ослушникамъ не будетъ никакой жалости! Теперь расходитесь! Въ городѣ зараза! Но прежде слѣдуетъ примириться съ Богомъ! Если вы огорчили меня вашимъ непослушаніемъ полицейскимъ властямъ, то еще болѣе оскорбили Бога своими преступленіями: было совершено нѣсколько убійствъ! Невинная кровь пролита! Молитесь Богу, чтобы Онъ васъ простилъ!» Государь обнажилъ голову, обернулся къ церкви и перекрестился. Какъ одинъ человѣкъ, всѣ стали на колѣни, творя крестное знаменіе. Государь уѣхалъ, толпа разошлась, и безпорядковъ болѣе не было. Съ площади Государь проѣхалъ по городу, посѣщая самые зараженные кварталы и больницы, гдѣ доктора умоляли его не входить. «Развѣ вы сами не ходите къ больнымъ?» отвѣчалъ Государь; «здѣсь, передъ лицомъ смерти, всѣ равны. Мы находимся какъ бы въ сраженіи, когда никто не можетъ

ручаться, что пуля минуетъ его». При выходѣ изъ больницы Маріи Магдалины, на Васильевскомъ островѣ, Государь увидалъ блѣднаго, дрожащаго отъ испуга человѣка, окруженнаго толпой народа. То былъ докторъ, котораго толпа обвиняла въ отравленіи и кто-то даже держалъ банку съ жидкостью, которою докторъ отравлялъ.

— Что въ этой банкѣ? спросилъ Государь.

— Хлоръ, Ваше Величество! отвѣчалъ съ испугомъ докторъ.

— Подать мнѣ стаканъ! сказалъ Государь.

Пока ходили за стаканомъ, лейбъ-медикъ Арендтъ, догадавшійся, что желаетъ сдѣлать Государь, обратился къ нему, умоляя не пить, потому что одинъ глотокъ хлора можетъ повлечь за собою потерю всѣхъ зубовъ.

— Какое мнѣ дѣло до этого, отвѣчалъ Государь,—если вывалятся, то я вставлю себѣ новые, и выпилъ изъ стакана.

— Видите, сказалъ Государь народу,—это вовсе не отрава, а напротивъ отличное предохранительное средство отъ холеры. Просите прощенія у доктора; я же позабочусь о томъ, чтобы онъ какъ можно скорѣе забылъ вашу неблагодарность. Черезъ нѣсколько дней этотъ докторъ получилъ отъ Государя большую сумму денегъ и орденъ.

Несмотря на то, что холера свирѣпствовала и въ войскахъ, графъ Паскевичъ-Эриванскій, замѣнившій умершаго отъ этой болѣзни графа Дибича-Забалканскаго, продолжалъ военныя дѣйствія противъ мятежниковъ, и, послѣ ожесточеннаго двухдневнаго штурма, взялъ 26-го августа Варшаву; остатки польскихъ войскъ бѣжали за границу, гдѣ были обезоружены, и Польша смирилась.

Разсказываютъ, что въ одну изъ сентябрскихъ ночей горизонтъ освѣтило сіяніе. Государю доложили, что видно зарево пожара; но Государь, посмотрѣвъ, сказалъ: «Это не пожаръ. Слава Богу! Это небесное знаменіе: оно предвѣщаетъ намъ конецъ войны!» На другой же день было получено донесеніе, что Варшава взята. Выстрѣлы пушекъ Петропавловской крѣпости возвѣстили жителямъ столицы объ этомъ, и городъ сейчасъ же разукрасился флагами. Милосердный Монархъ, вмѣсто того, чтобы жестоко наказать Польшу, выразился такъ: «Насколько поляки ни виноваты, они все-таки мои подданные,—мои дѣти».—«Дайте понять полякамъ», писалъ Государь Паскевичу, «что глава семьи, даже когда долженъ наказать своихъ

дѣтей, сохраняетъ къ нимъ любовь и не желаетъ ничего другаго, какъ ихъ простить».

Государь даровалъ полное прощеніе всѣмъ тѣмъ, которые были вовлечены въ мятежъ угрозами или обольщеніями, и только главные зачинщики и руководители бунта понесли наказаніе. Графу Паскевичу-Эриванскому, за усмиреніе мятежа, Государь пожаловалъ еще титулъ князя Варшавскаго. 12-го октября учреждена была близъ Гатчинскаго дворца Павловская свобода для инвалидовъ унтеръ-офицеровъ и нижнихъ чиновъ гвардіи, уволенныхъ въ отставку и неимѣвшихъ возможности жить на родинѣ. Въ каждомъ домѣ этой слободы должны были помѣщаться два семейства; каждому семейству отпускалось 100 руб. и поле съ огородомъ.

Государь, вмѣстѣ съ Императрицей и Наслѣдникомъ, которому 29-го августа былъ присвоенъ титулъ Цесаревича, отправился въ Москву, а 31-го декабря 1831 года утвердилъ медаль и особый польскій знакъ отличія за военныя заслуги. Въ томъ же мѣсяцѣ конно-гренадеры и гродненскіе гусары получили права старой гвардіи, а нѣкоторымъ другимъ полкамъ были пожалованы георгіевскія знамена, трубы и надписи на головной уборъ: «За покореніе Польши». Вскорѣ праздновалось столѣтіе 1-го кадетскаго корпуса. Государь лично командовалъ на площади, гдѣ стоитъ памятникъ фельдмаршалу Румянцеву, затѣмъ было молебствіе и завтракъ, данный великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ въ залѣ корпуса, украшенной статуей Румянцева и портретомъ графа Миниха — перваго начальника корпуса при Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ. Послѣ завтрака Государю было представлено описаніе дѣятельности корпуса за прошедшія 100 лѣтъ, въ теченіе которыхъ изъ корпуса было выпущено въ офицеры 6,389 кадетъ. Въ тотъ же день въ Георгіевской залѣ Зимняго дворца данъ былъ, въ Высочайшемъ присутствіи, обѣдъ, на который были приглашены всѣ находившіеся въ столицѣ бывшіе кадеты 1-го корпуса. Во время обѣда Государь предложилъ тостъ за русскую армію и 1-й кадетскій корпусъ; тостъ былъ принятъ восторженно.

Узнавъ, что агрономическое общество назначило премію въ три тысячи рублей тому, кто доставитъ лучшую рожь и муку, Государь, съ своей стороны, присоединилъ къ ней серебряную вазу и украшенную брилліантами табакерку. Вообще Государь заботился о раз-

витіи земледѣлія въ Россіи; онъ часто посѣщалъ агрономическую школу въ Красномъ Селѣ. Какъ-то, гуляя по пашнямъ Краснаго Села съ княземъ Волконскимъ, Государь сказалъ: «Крестьяне удѣльные умнѣе, развитѣе, счастливѣе крестьянъ крѣпостныхъ, нужно ихъ освободить отъ рабства; но не знаю, какъ это сдѣлать; это очень важное дѣло, и я часто о немъ думаю». Вообще Государь очень интересовался бытомъ крестьянъ. Разсказываютъ, что у одного крестьянина Анисима Семенова были два родныхъ сына и третій пріемный; на его семью выпалъ жребій поставить рекрута; пріемный сынъ изъявилъ желаніе отслужить за старшаго сына, но Анисимъ Семеновъ не допустилъ этого, и пріемный сынъ остался въ семьѣ, а старшій родной сынъ пошелъ на службу. Когда объ этомъ поступкѣ Семенова сдѣлалось извѣстно Государю, то онъ пожаловалъ ему серебряную медаль и 500 руб. денегъ.

Когда Наслѣднику Цесаревичу минуло 17 лѣтъ, и когда онъ принялъ присягу, Государь сказалъ по этому поводу Императрицѣ, указывая на сына: «Мы—уже прошедшее, это—будущее».

На 30-е августа назначено было открытіе Александровской колонны. Когда разсуждали о томъ, чѣмъ украсить ее наверху, Государь сказалъ: «Она будетъ украшена крестомъ, какъ церковь, и этотъ крестъ дадимъ ангелу». Къ этому дню приглашены были всѣ сподвижники Императора Александра I; въ числѣ ихъ явились: фельдмаршалъ Витгенштейнъ, графъ Воронцовъ, фельдмаршалъ Паскевичъ, баронъ Паленъ и другіе. Король прусскій, какъ сподвижникъ Александра I, прислалъ для присутствованія при открытіи колонны своего сына, наслѣднаго принца, сопровождаемаго офицерами и унтеръ-офицерами полковъ, сражавшихся въ 1812 г. Король шведскій прислалъ сына своего Оскара.

5-го сентября Императоръ выѣхалъ въ Москву, а Императрица въ Берлинъ.

Возвратясь въ Петербургъ, Государь, по обыкновенію, цѣлые дни проводилъ въ кабинетѣ, занимаясь дѣлами по управленію государствомъ, и только по временамъ отрывался отъ нихъ для присутствованія на маневрахъ или же по какимъ-либо другимъ причинамъ.

2-го февраля 1836 года, на масляницѣ, въ одномъ изъ балагановъ, построенныхъ на Адмиралтейской площади, вспыхнулъ пожаръ во время представленія. Въ балаганѣ было болѣе 500 чело-

вѣкъ народа, а потому, при раздавшихся крикахъ: «пожаръ», у дверей произошла страшная давка. Государь смотрѣлъ въ это время изъ окна дворца на Адмиралтейскую площадь, куда и поспѣшилъ прибыть, увидя пламя; но, не смотря на всѣ усилія подоспѣвшихъ пожарныхъ командъ и личную распорядительность Государя спасти людей, наполнявшихъ балаганъ, многіе изъ нихъ погибли, благодаря тому, что у выхода сдѣлалась страшная давка, такъ что многіе не успѣли выйдти прежде, чѣмъ крыша балагана рухнула. Разсказываютъ, что Государь былъ пораженъ самоотверженіемъ какого-то крестьянина Тихона, который, рискуя собой, нѣсколько разъ бросался въ огонь, чтобы спасти погибающихъ,—онъ пожаловалъ ему серебряную медаль и 500 руб. Уходя съ пожара, Государь, глубоко тронутый гибелью нѣсколькихъ человѣкъ, обратился къ народу съ словами: «Дѣти мои, всякій Государь, на сколько-бы онъ ни былъ могущественъ, чувствуетъ свое ничтожество, когда видитъ, что на глазахъ погибаютъ подданные и онъ не имѣетъ возможности ихъ спасти».

Между тѣмъ на Кавказѣ наши войска все это время вели ожесточенную борьбу съ дикими горскими племенами. Эти племена съ давнихъ временъ отличались своимъ дикимъ, хищническимъ характеромъ. Они постоянно дѣлали набѣги на своихъ сосѣдей, христіанъ, истребляли ихъ жилища, грабили имущество, уводили плѣнниковъ въ горы для продажи въ рабство. Владѣтели Грузіи, Мингреліи, Грузіи, Имеретіи, не будучи сами въ силахъ бороться съ воинственными горцами, обращались постоянно къ русскому правительству съ просьбами о помощи. Съ начала настоящаго столѣтія наши войска постоянно посылались въ Грузію и вели съ горцами самую ожесточенную борьбу. Въ 1825 году между горцами началъ распространяться мюридизмъ, особый видъ магометанскаго ученія, побуждавшій ихъ къ борьбѣ и уничтоженію христіанъ. Горцы предпринимали постоянные набѣги, такъ что русскимъ войскамъ пришлось совершать рядъ походовъ для покоренія хищныхъ племенъ. Нельзя описать всѣхъ трудностей этихъ походовъ и той храбрости, которую должны были выказать наши войска, чтобы проникнуть въ горы. Нужно знать Кавказъ, чтобы понять, какія препятствія пришлось преодолѣвать нашимъ солдатамъ на каждомъ шагу: здѣсь каждая гора представляетъ неприступную крѣпость, которую можетъ защи-

щать нѣсколько человѣкъ противъ цѣлыхъ полковъ; съ каждаго утеса на нашихъ храбрецовъ сыпались пули и каменья; приходилось брать съ боя каждый аршинъ земли, каждый камень, каждый кустъ; по едва замѣтнымъ тропинкамъ пришлось везти артиллерію и обозы на вершины горъ, покрытыхъ снѣгомъ. Къ тому же многія горскія племена, дѣйствовавшія прежде совершенно отдѣльно, соединились и подчинились знаменитому Шамилю, ярому послѣдователю мюридизма, котораго они считали за пророка и каждое слово котораго для нихъ было священно. При такихъ условіяхъ только несокрушимая храбрость русскаго солдата могла завладѣть недоступными горами. Государь имѣлъ сильное желаніе посмотрѣть свою молодецкую кавказскую армію и лично ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ на Кавказѣ. Съ этою цѣлью Государь выѣхалъ разъ изъ Петербурга, но принужденъ былъ возвратиться изъ Пензенской губерніи вслѣдствіе ушиба, полученнаго при паденіи экипажа. 1-го августа 1837 г. Государь снова выѣхалъ съ этою цѣлью изъ Петербурга и въ концѣ августа прибылъ въ г. Вознесенскъ на р. Бугѣ.

4-го сентября окончились большіе маневры, и Государь съ Августѣйшей семьей отправился въ Одессу, а оттуда въ Крымъ. Тщательно осмотрѣвъ Крымъ, Государь на пароходѣ отправился на Кавказъ и 21-го сентября прибылъ въ Геленджикъ, а 23-го въ бухту крѣпости Анапы. Пробывъ недолго въ Анапѣ, Государь, послѣ пятидесяти-часоваго утомительнаго переѣзда по морю, прибылъ въ Редутъ-Кале, откуда верхомъ отправился въ Кутаисъ и далѣе на Ахалцыхъ, Тифлисъ и Эривань. Въ Эривани Государь принялъ посольство, присланное персидскимъ шахомъ для привѣтствія Императора, посѣтившаго окраины своего государства, пограничныя съ Персіей. Осмотрѣвъ все, Государь указалъ новый планъ дѣйствій, заключавшійся въ томъ, чтобы, не предпринимая безплодныхъ походовъ въ глубину горъ, постепенно стѣснять горцевъ занятіемъ равнинъ и устройствомъ передовыхъ линій, а также прорубкою лѣсовъ, служившихъ отличнымъ убѣжищемъ для хищниковъ.—Вмѣстѣ съ тѣмъ Государь приказалъ обратить особенное вниманіе на устройство удобныхъ помѣщеній, въ которыхъ нуждались наши войска. Но благія предположенія Государя, вслѣдствіе возникавшихъ въ Дагестанѣ возмущеній, получили полное развитіе только съ 1846 года. Сдѣлавъ нужныя распоряженія, Государь въ октябрѣ перева-

лилъ по Военно-Грузинской дорогѣ черезъ покрытый снѣгами Кавказскій хребетъ и, черезъ Ставрополь, прибылъ въ Аксайскую станицу, гдѣ находился Наслѣдникъ Цесаревичъ. Осмотрѣвъ область Войска Донскаго, ознакомившись съ ея бытомъ и произведеніями, Государь черезъ Воронежъ поѣхалъ въ Москву, откуда 12-го декабря возвратился въ Петербургъ изъ своего длиннаго, утомительнаго путешествія, въ продолженіе котораго онъ не переставалъ заниматься государственными дѣлами. Черезъ нѣсколько дней послѣ пріѣзда въ Петербургъ, именно 17-го декабря, Государь со всей Императорской фамиліей отправился въ Михайловскій театръ; во время представленія ему доложили, что въ Зимнемъ дворцѣ вспыхнулъ пожаръ; онъ сейчасъ же сѣлъ на коня и поскакалъ на пожаръ. Благодаря распорядительности Государя и присутствію большаго количества войскъ, бо́льшая часть вещей была спасена. Осматривая вещи, бывшія въ кабинетѣ Государя, Его Величество былъ очень обрадованъ тѣмъ, что все, что только возможно было спасти,—спасено, а увидѣвъ маленькій розовый ящикъ, онъ подошелъ къ Государынѣ и сказалъ: «Слава Богу! мы можемъ утѣшиться: всѣ наши письма со дня нашей помолвки цѣлы».—Государь переѣхалъ въ Аничковскій дворецъ, а Зимній приказалъ возстановить по старому плану, на что назначилъ сроку одинъ годъ (Зимній дворецъ былъ построенъ при Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ архитекторомъ Растрелли). Поѣхавъ однажды посмотрѣть, какъ производятся работы, Государя понесли лошади по Невскому, при чемъ пострадало нѣсколько человѣкъ; когда лошади были остановлены, Государь пошелъ посмотрѣть на ушибленныхъ и, возвратясь къ санямъ, увидѣлъ въ нихъ мѣшокъ, въ которомъ было 800 руб. денегъ и слѣдующаго содержанія записка: «Въ прошломъ году сгорѣла наша деревня. Ты построилъ намъ новые дома. Теперь позволь и намъ помочь Тебѣ отстроиться; мы небогаты, а потому и не можемъ дать много, но за то наша любовь къ Тебѣ велика; наше имущество, наша кровь, мы сами,—все принадлежитъ Тебѣ. Дай Богъ Тебѣ счастья, здоровья!» Не смотря на всѣ усилія, нельзя было узнать, кто положилъ этотъ мѣшокъ; извѣстно только, что онъ положенъ какимъ-то крестьяниномъ. Государь былъ глубоко тронутъ выраженіемъ любви и преданности своихъ подданныхъ, и очень сожалѣлъ, что не могъ узнать имени этого крестьянина. Но не одни крестьяне готовы были жертвовать. Графъ

Браницкій просилъ Государя принять отъ него милліонъ рублей, и если бы Государь позволилъ только принять это пожертвованіе, то, конечно, всякій гражданинъ счелъ бы за счастіе и честь внести свою посильную лепту.

25-го декабря послѣдовало открытіе памятниковъ героямъ войны 1812 года, Барклаю-де-Толли и Кутузову-Смоленскому, на Казанской площади въ Петербургѣ. Въ томъ же мѣсяцѣ Государь, высоко цѣнившій талантъ умершаго поэта А. С. Пушкина, пожаловалъ его вдовѣ 10 тысячъ рублей ежегодной пенсіи и приказалъ всѣхъ его дѣтей воспитывать на казенный счетъ, а 2-го февраля 1838 г. почтилъ извѣстнаго баснописца Крылова Всемилостивѣйшимъ рескриптомъ и наградилъ его орденомъ.

27-го сентября 1838 года Императоръ отправился осмотрѣть работы въ Зимнемъ дворцѣ. Прибывъ сюда, Государь увидѣлъ, что для скорѣйшей просушки стѣнъ были поставлены громадныя печи съ трубами, отчего температура доходила до 50 градусовъ, а между тѣмъ въ городѣ ходили слухи, что здѣсь рабочіе умираютъ или получаютъ чахотку. Возмущенный тѣмъ, что рабочихъ заставляютъ работать при такой жарѣ, Государь сказалъ: «Жизнь послѣдняго изъ моихъ подданныхъ мнѣ дорога, потому что считаю себя отцомъ всѣхъ; я приказываю слѣдить и заботиться о здоровьѣ рабочихъ; лучше дожидать десять лѣтъ возобновленія дворца, чѣмъ знать, что оно куплено цѣною жизни одного изъ этихъ молодцовъ».

Въ 1839 году совершилось одно изъ славнѣйшихъ дѣлъ царствованія Николая Павловича—возсоединеніе уніатовъ. Уніатское населеніе западныхъ губерній было повергнуто польской шляхтой въ нищету и невѣжество, и совращаемо въ латинство. Сельское уніатское духовенство не въ силахъ было препятствовать постепенному искаженію греко-восточныхъ обрядовъ и введенію въ уніатскія церкви обрядовъ латинскихъ, ибо все высшее уніатское духовенство состояло изъ бывшихъ латинскихъ монаховъ, преданныхъ всею душою папизму. Наконецъ одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ уніатскихъ священниковъ, Іосифъ Симашко, впослѣдствіи митрополитъ Литовскій, раскрылъ правительству настоящее положеніе уніатской церкви. Тогда Императоръ издалъ рядъ указовъ, которые, ограничивая произволъ латинянъ въ дѣлѣ уніи, тѣмъ самымъ вели къ сближенію съ православіемъ. Такимъ образомъ сближеніе шло постепенно, и

наконецъ, въ недѣлю Православія, 12 февраля 1839 года, собрались въ Полоцкѣ всѣ греко-уніатскіе епископы и составили соборный актъ, которымъ опредѣлили: согласно съ желаніемъ всего греко-уніатскаго духовенства, въ чемъ удостовѣряли болѣе 1300 подписей, представить Государю Императору всеподданнѣйшую просьбу упрочить дальнѣйшую судьбу уніатовъ дозволеніемъ имъ присоединиться къ прародительской православной Всероссійской церкви.— Получивъ этотъ актъ, Государь повелѣлъ графу Протасову внести его въ Святѣйшій Синодъ, для сообразнаго съ правилами церкви постановленія. — Святѣйшій Синодъ опредѣлилъ: «принять всю паству греко-уніатской церкви въ полное общеніе святой православной каѳолической церкви и въ нераздѣльный составъ церкви Всероссійской, о чемъ поднести Государю Императору всеподданнѣйшій докладъ». На этомъ докладѣ Императоръ, 25 марта 1839 года, собственноручно написалъ: «Благодарю Бога и пріемлю». И такимъ образомъ полтора милліона заблудившихся и совращаемыхъ братій нашихъ безмятежно и тихо возвратились въ лоно православной церкви.

27 мая было совершено съ большою торжественностью бракосочетаніе великой княгини Маріи Николаевны съ принцемъ Лейхтенбергскимъ, за которымъ послѣдовалъ рядъ баловъ, и вся столица украсилась флагами. 15 августа Императоръ съ принцемъ отправились, черезъ Москву, на Бородинское поле, для открытія памятника.

Однажды Государь и Бенкендорфъ шли по Невскому проспекту и замѣтили дроги съ гробомъ, на которомъ лежала шпага и шляпа, что̀ означало, что умершій былъ чиновникъ; за гробомъ шелъ только одинъ бѣдно-одѣтый старикъ. Государь подошелъ къ послѣднему и спросилъ, кого онъ провожаетъ, на что тотъ отвѣчалъ, что одного служившаго 25 лѣтъ въ дворцовомъ вѣдомствѣ, который не имѣлъ родныхъ, и товарищи котораго, какъ занятые на службѣ, не могутъ проводить его на кладбище. Тогда Государь снялъ шляпу и пошелъ за гробомъ. Видя эту оказываемую умершему честь, многіе генералы, офицеры и вообще проходившіе присоединялись къ Государю, такъ что скоро толпа возрасла тысячъ до трехъ. Дойдя до Казанскаго моста, Императоръ остановился и, обратившись къ сопровождавшимъ, сказалъ: «Этотъ человѣкъ прослужилъ на пользу дѣла 25 лѣтъ, я провожалъ его, пока могъ, теперь меня призываютъ дѣла

государственныя; я вамъ, дѣти мои, поручаю проводить его до послѣдняго жилища, Богъ васъ вознаградитъ за то, я же позабочусь о его памятникѣ».—И дѣйствительно, черезъ нѣкоторое время на его могилѣ стоялъ памятникъ, съ слѣдующею надпись: «Въ награду за вѣрную и честную двадцатипятилѣтнюю службу».

Въ февралѣ 1841 года послѣдовало повелѣніе объ усиленіи преподаванія славянскаго языка въ учебныхъ заведеніяхъ Царства Польскаго и о введеніи тамъ нѣкоторыхъ учебниковъ на русскомъ языкѣ. Въ этомъ году въ Кіевъ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Бибиковъ и ему были подчинены 3 губерніи, въ которыхъ земледѣльческое населеніе наиболѣе подвержено было притѣсненіямъ со стороны помѣщиковъ польской шляхты, которой здѣсь преимущественно принадлежали земли. Положеніе крестьянъ было самое ужасное: шестидневная барщина, нищета, жестокое обращеніе, стѣсненіе въ отправленіи религіозныхъ обрядовъ — вотъ чѣмъ отличалось господство шляхты, при чемъ все это проходило безнаказанно для притѣснителей, такъ какъ мѣстныя власти были поляки. Первою мѣрою новаго генералъ-губернатора была замѣна польскихъ чиновниковъ русскими и привлеченіе въ этотъ край русскихъ землевладѣльцевъ, а затѣмъ учрежденіе инвентарей, т. е. поземельной описи имущества крестьянъ, точнаго опредѣленія количества барщины и другихъ обязанностей къ помѣщику. Вообще Государь очень заботился о крестьянахъ, и хотя не могъ ихъ освободить совершенно отъ крѣпостной зависимости, тѣмъ не менѣе совѣтовалъ помѣщикамъ даровать имъ свободу, и, по совѣту Государя, графиня Орлова-Чесменская освободила болѣе 5,000 человѣкъ своихъ крѣпостныхъ Глава католической церкви, папа Григорій XVI произнесъ въ этомъ году проповѣдь въ Римѣ, въ которой доказывалъ, что Императоръ Николай желаетъ своими законами умалить достоинство католицизма и заставить тѣмъ поляковъ принять православіе. Эта проповѣдь произвела много шуму за границею и вызвала неудовольствіе въ Россіи. Императоръ былъ всегда далекъ этой мысли; мы не можемъ указать ни на одинъ законъ, который преслѣдовалъ бы эту цѣль, а напротивъ, можемъ указать на рядъ случаевъ, изъ которыхъ видно, что Императоръ и на поляковъ-католиковъ смотрѣлъ какъ на своихъ дѣтей.

Въ 1848 году въ Европѣ начались безпорядки. Когда было

получено извѣстіе о февральской революціи во Франціи, то Императоръ приказалъ собрать старѣйшихъ членовъ французской колоніи въ Петербургѣ и поручилъ графу Орлову сказать имъ, что тѣ, которые пожелаютъ отправиться во Францію, немедленно получатъ паспорты, остальныхъ же онъ принимаетъ подъ свое покровительство впредь до водворенія порядка въ ихъ отечествѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ, желая всегда быть готовымъ защищать порядокъ, онъ приказалъ привести на военное положеніе армію и флотъ.

28 августа скончался въ Варшавѣ великій князь Михаилъ Павловичъ; Государь манифестомъ объявилъ народу объ утратѣ своего возлюбленнаго брата и долго оплакивалъ его кончину. Вслѣдствіе вспыхнувшаго въ Венгріи возстанія, Императоръ, по просьбѣ Франца-Іосифа, приказалъ русскимъ войскамъ двинуться въ Венгрію. Со вступленіемъ нашихъ войскъ, война немедленно приняла рѣшительный оборотъ. 3 іюля 1849 г. въ сраженіи у Вейцена, Гергей, предводитель венгровъ, увидѣлъ, что онъ будетъ побѣжденъ; 8 іюля подъ Туромъ венгры были разбиты и наша армія быстро двинулась впередъ. При переправѣ черезъ рѣку Тейсу, генералъ Чеодаевъ нашелъ противоположный берегъ сильно занятымъ непріятелемъ. Чтобы отрѣзать непріятеля, Чеодаевъ послалъ въ обходъ за нѣсколько верстъ два полка казаковъ, которые, найдя берега рѣки крутыми и неудобными для спуска коней, раздѣлись до-нага и, опоясавшись шашками, бросились въ рѣку. Непріятель, пораженный огнемъ артиллеріи и изумленный отвагою донцовъ, пришелъ въ смятеніе и отступилъ въ безпорядкѣ. Тѣснимые генераломъ Лидерсомъ въ Трансильваніи и разбитые еще въ нѣсколькихъ сраженіяхъ, венгры не могли болѣе сопротивляться. 1 августа 1849 г. Гергей прислалъ къ преслѣдовавшему его генералу Ридигеру парламентера съ письмомъ, въ которомъ изъявилъ готовность положить оружіе передъ побѣдоносными войсками Русскаго Императора. Близъ селенія Виллагошъ, армія Гергея, состоявшая изъ 31 тысячи человѣкъ, при 144 орудіяхъ, стояла въ ожиданіи русскихъ войскъ, чтобы сложить предъ ними оружіе. По отданіи чести, Гергей подалъ графу Ридигеру рапортъ о состояніи венгерской арміи и передалъ свою саблю. Пѣхота составила ружья, повѣсила на нихъ боевую аммуницію, кавалерія спѣшилась, пристегнувъ къ сѣдламъ оружіе. За сдачею арміи Гергея, отдѣльные отряды венгерцевъ тоже положили оружіе. Ко-

мендантъ крѣпости Арада прислалъ къ графу Ридигеру депутатовъ отъ гарнизона съ изъявленіемъ готовности сдать эту крѣпость русскимъ, но отнюдь не австрійцамъ, корпусъ которыхъ былъ расположенъ около крѣпости. Депутаты объявили, что весь гарнизонъ присягнулъ взорвать крѣпость, но не сдаваться австрійцамъ. Въ половинѣ августа наша армія двинулась обратно въ предѣлы отечества, за исключеніемъ отряда генералъ-адъютанта Граббе, остававшагося подъ Коморномъ до сдачи этой крѣпости, и нѣсколькихъ другихъ незначительныхъ отрядовъ для занятія нѣкоторыхъ пунктовъ въ Венгріи и Трансильваніи, до прибытія туда австрійскихъ войскъ. Такъ окончилась эта двухъ-мѣсячная кампанія; Австрія была спасена, венгерская армія уничтожена; войска наши взяли 150 знаменъ и 400 орудій, 80 тысячъ мадьяръ положили передъ нами оружіе. «Я вами доволенъ, вами горжусь», сказалъ Императоръ войскамъ, а 17 августа послѣдовалъ Высочайшій манифестъ, оканчивавшійся словами: «Да, во-истину, съ нами Богъ! Разумѣйте языцы и покоряйтесь, яко съ нами Богъ».

Послѣ Венгерской кампаніи Россія находилась на высотѣ своего величія и славы, въ день нужды выручивъ Австрію и положивъ конецъ мятежа силою своего оружія. Имѣя вѣсъ въ дѣлахъ остальной Европы, гдѣ мнѣніе ея играло далеко не малую роль, Россія, конечно, обязана была Императору Николаю, твердо отстаивавшему для нея права, пріобрѣтенныя ею въ послѣднія два великія царствованія, все время которыхъ судьба Европы зависѣла отъ рѣшающаго голоса русскаго Монарха. Въ 1849 году Императоръ отправился въ Австрію, гдѣ близъ Вѣны произвелъ смотръ 60-ти тысячной австрійской арміи, которую ему представлялъ молодой австрійскій монархъ. Въ то же время принцъ Луи-Наполеонъ въ Парижѣ на Марсовомъ полѣ, восторженно былъ привѣтствованъ французскими войсками, при помощи которыхъ онъ вскорѣ былъ провозглашенъ императоромъ Франціи, черезъ что исполнилось желаніе императора Николая—анархія перестала существовать въ Европѣ. Въ это время христіанскія провинціи Турціи, видя ея безсиліе, начали добиваться своей самостоятельности; началомъ же вмѣшательства въ это вооруженной силы было открытое неповиновеніе Черногоріи, почему Турція и послала свои войска для ея усмиренія. Вслѣдъ за тѣмъ Императоръ Николай отправилъ полномочнымъ посломъ князя

Меньшикова въ Константинополь съ заявленіемъ, что Россія беретъ подъ свое покровительство христіанскихъ подданныхъ султана и требуетъ въ извѣстный срокъ отвѣта, какія мѣры будутъ приняты Турціей для ихъ безопасности.

Питая ненависть и зависть къ Россіи, пріобрѣвшей значительное вліяніе на всѣ европейскія дѣла, Франція и Англія возбудили противъ насъ вражду Турціи и тѣмъ усилили звѣрства турокъ надъ христіанами. Императоръ Николай, всегда стоявшій на стражѣ религіи, какъ добрый христіанинъ, не могъ не вступиться за своихъ единовѣрцевъ: русскія войска вступили въ Молдавію и Валахію и перешли Прутъ. Императоръ объявилъ, что будетъ занимать Придунайскія княжества, пока Турція не исполнитъ справедливыхъ требованій Россіи. Султанъ, въ письмѣ своемъ къ Императору, хотя и обѣщалъ исполнить его требованія, однако слова своего не сдержалъ, надѣясь на своихъ союзниковъ Англію и Францію, уже отправившихъ свои флоты на помощь ему. Тогда русскіе осадили Силистрію, при осадѣ которой былъ раненъ фельдмаршалъ Паскевичъ, замѣненный Г. А. Горчаковымъ, и сраженіями при Башкадыкларѣ и Ольтеницѣ разсѣяли сухопутныя силы Турціи. Въ то же время адмиралъ Нахимовъ у береговъ Малой Азіи, при Синопѣ, съ нѣсколькими черноморскими кораблями, менѣе чѣмъ въ полтора часа уничтожилъ турецкій флотъ; только одинъ турецкій корабль спасся и пришелъ въ Константинополь печальнымъ вѣстникомъ объ уничтоженіи всего турецкаго флота и взятіи въ плѣнъ адмирала Османа-паши.

Разрывъ съ Франціей былъ окончательно рѣшенъ, по полученіи императоромъ Наполеономъ отвѣтнаго письма Императора Николая, въ которомъ онъ, отвергая предложенія императора французовъ, заключилъ письмо словами: «что онъ убѣжденъ, что Россія сумѣетъ себя показать въ 1854 году такою-же, какою показала въ 1812». Война была объявлена. Французскій и англійскій флоты вступили въ Балтійское и Черное моря. Взявъ недостроенную Аландскую крѣпость, флотъ подошелъ къ Кронштадту; но хорошо защищенный фарватеръ этой крѣпости и построенные форты и батареи не допустили ихъ взять это преддверье столицы. Въ Черномъ морѣ, послѣ безполезнаго бомбардированія Одессы, флоты союзныхъ державъ появились въ виду Крыма и 2-го сентября произвели у Евпаторіи высадку въ небываломъ числѣ болѣе 64 т. человѣкъ. У насъ въ

Крыму было только 33 т. войска, подъ начальствомъ князя Меньшикова. Послѣ сраженія при р. Альмѣ, русскіе принуждены были занять военный портъ Севастополь, укрѣпленный только съ моря. Тогда началась славная оборона Севастополя: при бомбардировкѣ съ моря и роѣ пуль и бомбъ съ суши начали воздвигаться севастопольскія твердыни подъ руководствомъ талантливаго инженера Тотлебена, защищаемыя такими героями, каковы: Селенгинскій, Охотскій, Якутскій полки, моряками и всей храброй русской арміей съ ея начальниками во главѣ.

Но въ то время, когда храбрыя русскія войска, защищая грудью и кровью своею Севастополь; когда Малаховъ курганъ въ дыму и убійственномъ пламени представлялъ изъ себя ужасающій адъ, какой только можно себѣ вообразить; когда русскій солдатъ въ тысячный разъ доказывалъ, что онъ умѣетъ умирать, а не сдается,—здоровье Императора замѣтно стало ухудшаться. Надломилась эта крѣпкая натура, больно стало сердцу русскаго Монарха знать, что непріятель еще въ Россіи и не выгнанъ.

Въ приказѣ своемъ войскамъ, послѣ взятія Малахова кургана, онъ, поддерживая духъ своихъ доблестныхъ солдатъ на полѣ брани за святую вѣру, напомнилъ имъ слова блаженной памяти Императора Александра: «Съ желѣзомъ въ рукахъ, и съ крестомъ, символомъ вѣры, въ сердцѣ, идите на врага, чтобы защитить самое дорогое для васъ на свѣтѣ—спокойствіе и честь отечества«.

Не смотря на нездоровье, Императоръ продолжалъ обременять себя тяжелыми дѣлами государства, увеличенными еще войною, чѣмъ окончательно надорвалъ свое здоровье.

10-го февраля Императоръ въ манежѣ смотрѣлъ маршевые батальоны Преображенскаго и Семеновскаго полковъ и, отправляя ихъ, сказалъ: «Идите, дѣти мои, пусть московскіе орлы будутъ вамъ путеводителями по дорогѣ къ чести и славѣ. Мнѣ не позволяютъ идти побѣдить или умереть вмѣстѣ съ вами, но мои думы и сердечныя пожеланія всегда будутъ съ вами на тѣхъ геройскихъ преградахъ я тяжкихъ испытаніяхъ, которыя вамъ придется преодолѣть. Когда отечество и религія васъ призываетъ, я не могу васъ задерживать—ступайте съ Богомъ». Это было послѣдній разъ, что Императоръ видѣлъ своихъ дѣтей-солдатъ, послѣдній разъ, что онъ на-

путствовалъ ихъ: съ тѣхъ поръ болѣзнь его быстро начала развиваться и онъ уже не вставалъ съ постели.

Въ 12 часовъ 20 минутъ пополудни 18 февраля 1855 года, раздался въ Петербургѣ протяжный заунывный звонъ колокола на Исаакіевскомъ соборѣ; проходящій невольно снялъ шапку, невольно дрогнуло сердце, перекрестился, сказалъ «вѣчная память». Подъ звукъ этого заунывнаго звона, тихо приспущенъ былъ Императорскій штандартъ на Зимнемъ дворцѣ, и тихо, въ какомъ-то угрюмомъ молчаніи сталъ толпами валить народъ на Дворцовую площадь. Какъ-то не вѣрилось, не хотѣлось вѣрить, что скончался надёжа—отецъ Государь, да еще въ то время, когда на югѣ лилась кровь и нашъ солдатъ доказывалъ всему свѣту, что нѣтъ храбрѣе и болѣе преданныхъ своему Государю, какъ русскіе. Незадолго передъ тѣмъ, чувствуя приближеніе своей смерти, Императоръ Николай, причастившись св. Тайнъ, приказалъ телеграфировать въ Москву, Кіевъ и Варшаву, что Императоръ умираетъ; простился со своей Августѣйшей семьей, благодарилъ своихъ подчиненныхъ, поручилъ Наслѣдника поблагодарить за вѣрную службу войска, и всѣхъ тѣхъ, кого онъ не могъ видѣть въ данную минуту. Не забылъ и ближнюю прислугу свою, посѣдѣлыхъ на службѣ дворцовыхъ гренадеръ, вспомнилъ объ одномъ конюхѣ, обыкновенно подводившемъ ему коня, всѣхъ благословилъ, всякому сказалъ нѣсколько ласковыхъ словъ. «Мнѣ хотѣлось», говорилъ онъ своему преемнику, «принявъ на себя все трудное, вся тяжкое, оставить тебѣ царство мирное, устроенное и счастливое. Провидѣніе судило иначе. Теперь иду молиться за Россію и за васъ. Послѣ Россіи, я васъ любилъ болѣе всего на свѣтѣ».

Въ своемъ скромномъ рабочемъ кабинетѣ лежалъ великій Повелитель 80 милліоновъ подданныхъ, лежалъ на простой желѣзной походной кровати, покрытый старою военною шинелью, которая въ 28 году укрывала его отъ холода и непогоды, во время присутствія его на театрѣ войны. Въ ней онъ работалъ по утрамъ, подготовляя работу своимъ министрамъ; закутавшись въ нее, онъ, какъ простой солдатъ, спалъ въ палаткѣ на войнѣ; покрытый ею онъ умеръ,—умеръ подъ покровомъ Всевышняго, призвавшаго его къ Себѣ. Не мало слезъ вызвала его кончина, плакала семья—дѣти, плакалъ посѣдѣвшій въ бояхъ воинъ, плакала осиротѣвшая вдова, плакали

дѣти—это тѣ, которымъ, благодаря ему, легко было жить на землѣ, мало того, плакалъ весь народъ русскій, отъ крестьянина до министра: крестьянинъ—любя въ немъ Царя-отца, предвидѣлъ освободителя, министръ—потому, что въ немъ онъ видѣлъ Монарха съ силой воли, умомъ, и честнаго цѣнителя по заслугамъ.

Приводимъ ниже его завѣщаніе и нѣсколько эпизодовъ изъ его жизни, записанныхъ его современниками. Они показываютъ, какъ велика была утрата Россіи — по смерти Императора Николая I-го.

Въ духовномъ завѣщаніи Императора Николая, между прочимъ, упомянуто:

«Прошу Императора милостиво призрѣть старыхъ инвалидовъ, у меня жившихъ по разнымъ мѣстамъ, подъ именемъ арсенальныхъ. Желаю, чтобъ они доживали свой вѣкъ на прежнемъ положеніи, развѣ угодно ему будетъ улучшить ихъ содержаніе.

«Благодарю славную и вѣрную гвардію, и равно храбрые и вѣрные армію и флотъ; молю Бога, чтобъ сохранилъ въ нихъ навсегда тѣ же доблести, тотъ же духъ, коими при мнѣ отличались; покуда духъ сей сохранится, сповойствіе государства внѣ и внутри обезпечено, и горе врагамъ его! Я любилъ войска мои, какъ дѣтей своихъ, старался, какъ могъ, улучшить ихъ состояніе; ежели не совсѣмъ успѣлъ, то не отъ недостатка желанія, но отъ того, что или лучшаго не умѣлъ придумать, или не могъ болѣе сдѣлать.

«Благодарю всѣхъ меня любящихъ, всѣхъ мнѣ служившихъ. Прощаю всѣхъ меня ненавидящихъ.

«Прошу всѣхъ, кого могъ неумышленно огорчить, меня простить. Я былъ человѣкъ со всѣми слабостями, коимъ люди подвержены; старался исправиться въ томъ, что за собой худого зналъ. Въ иномъ успѣвалъ, въ другомъ нѣтъ; прошу искренно меня простить.

«Я умираю съ благодарнымъ сердцемъ за все благо, которымъ Богу угодно было на семъ преходящемъ мірѣ меня наградить, съ пламенною любовью къ нашей славной Россіи, которой служилъ по крайнему моему разумѣнію вѣрой и правдой. Жалѣю, что не могъ произвести того добра, котораго столь искренно желалъ. Сынъ мой меня замѣнитъ. Буду молить Бога, да благословитъ его на тяжкое поприще, на которое вступаетъ, и сподобитъ его утвердить Россію на твердомъ основаніи страха Божія, давъ ей довершить внутреннее

ея устройство, и отдаляя всякую опасность извнѣ. На Тя, Господи, уповахомъ, да не постыдимся во вѣки.

«Прошу всѣхъ меня любившихъ, молиться объ успокоеніи души моей, которую отдаю милосердому Богу, съ надеждой на его благость и предаваясь съ покорностью Его волѣ. Аминь».

Вступивъ на престолъ, Императоръ Николай обратилъ все свое вниманіе и неусыпныя заботы не только на поддержаніе величія Россіи и ея вліянія на всѣ событія въ другихъ европейскихъ государствахъ, но и на внутреннее благоденствіе страны, сохраняя учрежденія, наслѣдованныя отъ предшественниковъ, и продолжая развивать ихъ въ духѣ справедливости и любви къ своимъ подданнымъ.

Особыя заботы Государь посвящалъ арміи, которая, при его Августѣйшемъ братѣ, была уже доведена до 900,000 человѣкъ. Будучи довольно строгимъ и требовательнымъ относительно точнаго исполненія всякимъ своего долга, Государь любилъ свою армію и неоднократно проявлялъ свою доброту къ ней. Императоръ имѣлъ обыкновеніе прогуливаться рано утромъ и проходить по Адмиралтейскому бульвару, Англійской набережной и Милліонной улицѣ. Однажды въ пятницу, на Вербной недѣлѣ, онъ замѣтилъ впереди съ узелкомъ солдата, который быстро шмыгнулъ въ ворота. Государь поровнялся и своимъ могучимъ голосомъ сказалъ:

— Солдатъ, поди сюда!

Солдатъ немедленно появился передъ Государемъ и, какъ ни трусилъ, а отдалъ подобающую честь.

— Кто ты такой?

— Безсрочно-отпускной Н. пѣхотнаго полка.

— Что ты несешь?

— Собственную работу, Ваше Императорское Величество, продавать на вербу.

— Покажи.

Солдатъ развязываетъ узелъ, въ которомъ находилось нѣсколько табакерокъ изъ папье-маше, съ разными изображеніями и рисунками, сдѣланными не совсѣмъ аляповато.

— Самъ дѣлалъ?

— Точно такъ, Ваше Величество, собственное произведеніе.

Государь взялъ въ руки одну, на крышкѣ которой былъ нарисованъ портретъ Наполеона I.

— У тебя есть свой Императоръ, почему же ты чужаго нарисовалъ?

— Своему здѣсь быть не годится, Ваше Императорское Величество.

— Почему же?

Солдатъ беретъ изъ узла еще подобную табакерку и начинаетъ объяснять.

— Когда желаютъ понюхать, сейчасъ французскаго короля по носу (солдатъ стучитъ по крышкѣ двумя пальцами, по обычаю нюхающихъ табакъ); а какъ понюхаютъ: Чхи! (чихаетъ) здравія желаю, Ваше Императорское Величество! Извольте посмотрѣть. И онъ показываетъ на внутренней сторонѣ крышки довольно схожій портретъ Императора Николая Павловича.

Государь разсмѣялся, велѣлъ солдату отобрать ему три такихъ табакерки и, заплативъ за произведенія 50 руб., направился въ квартиру князя Паскевича, который былъ въ это время въ Петербургѣ. Князь Иванъ Ѳедоровичъ еще спалъ.

— Вставай, отецъ-командиръ, сказалъ Государь,— я тебѣ съ вербы подарокъ принесъ,—и Николай Павловичъ смѣясь разсказалъ объясненія солдата.

Хотя, какъ уже было сказано выше, Государь строго преслѣдовалъ всякое неисполненіе своего долга и не любилъ отступленія отъ дисциплины, однако, въ виду искренняго раскаянія виновнаго и молодцоватости, которую онъ любилъ въ войскахъ, его доброе сердце неоднократно прощало провинившагося. Такъ, однажды Государю попадается пьяный драгунъ, нижній чинъ, ѣхавшій на извощикѣ (въ то время ѣхать нижнему чину на извощикѣ было большимъ проступкомъ противъ дисциплины); солдатъ, встрѣтивъ Императора, нѣсколько струхнулъ, но вскорѣ оправился, вынулъ саблю изъ ножонъ и салютовалъ.

— Драгунъ, что ты дѣлаешь? сказалъ Государь укоризненнымъ тономъ.

Драгунъ-малоросъ, сознавая свою вину, отвѣтилъ коротко:

— Пьянаго драгуна на гауптвахту везу, Ваше Императорское Величество.

Государь улыбнулся, далъ ему 5 рублей и приказалъ ѣхать домой.

Разсказанные здѣсь случаи приведены для того, чтобы показать, какъ былъ добръ покойный Государь къ своимъ ребятамъ, какъ онъ называлъ солдатъ; но если онъ прощалъ легкія провинности, за то требовалъ, чтобы каждый служащій умѣлъ съ достоинствомъ носить великое званіе воина. И дѣйствительно, войско обожало своего Государя, каждый былъ готовъ положить свою жизнь за любимаго Царя и отечество, а незабвенная слава, которою покрыла себя наша армія въ продолженіе войнъ въ царствованіе Николая Павловича, да послужитъ примѣромъ и для всѣхъ будущихъ поколѣній.

Вотъ примѣръ, какъ Императоръ награждалъ заслуги.

Когда, послѣ взятія штурмомъ Варшавы и усмиренія Польши, графъ Паскевичъ, получившій за это усмиреніе титулъ князя Варшавскаго, пріѣхалъ въ Петербургъ, то Государь, по обыкновенію, пригласилъ его къ разводу.

Фельдмаршалъ въ назначенный часъ является въ Михайловскій манежъ, входитъ,—и что же?—ему бьютъ полный походъ при крикахъ «ура», гвардейскіе баталіоны салютуютъ знаменами и отдаютъ честь, и самъ Императоръ идетъ на встрѣчу, преклоняя передъ нимъ обнаженную шпагу и говоритъ:

— Князь Иванъ Ѳедоровичъ, именемъ отечества благодарю васъ.

Графъ Паскевичъ, не ожидавшій такого торжественнаго пріема, заплакалъ и упалъ на колѣни передъ государемъ, который его поднялъ и три раза поцѣловалъ.

Примѣръ Государя заставлялъ всѣхъ подражать ему, и дѣйствительно войско, воспитанное среди боевой службы и правилъ дисциплины, не забывало ея почти до конца жизни. Какъ солдатъ привыкалъ къ службѣ и къ требованіямъ дисциплины, наглядно показываетъ слѣдующій примѣръ. Однажды Императоръ Николай Павловичъ, во время своего царствованія, предпринималъ поѣздки по Россіи, дабы собственными глазами убѣдиться, все ли идетъ исправно и нѣтъ ли какихъ незаконныхъ обидъ и притѣсненій населенію. Разсказываютъ, что во время одной изъ такихъ поѣздокъ во внутреннія губерніи Россіи, въ 1837 году Государь въ какомъ-то губернскомъ городѣ пожелалъ посѣтить острогъ, въ достаточномъ количествѣ снабженный всякаго рога преступниками. Были тутъ и убійцы, и зажигатели, и грабители, и воры... словомъ, почти каждое преступ-

леніе имѣло достойнаго представителя. Спросивъ арестантовъ, довольны-ли они своимъ содержаніемъ и не терпятъ-ли какихъ притѣсненій, Государь отъ нихъ же самихъ полюбопытствовалъ узнать о причинахъ ихъ заключенія въ острогѣ.

— Ты за что содержишься? спросилъ Николай Павловичъ перваго арестанта.

— Безвинно, Ваше Царское Величество, завопилъ тотъ, падая на колѣни,—по наговору! Значитъ, церкву разграбили, да пономаря уходили... а я-то знать не знаю и вѣдать не вѣдаю; а мужики и ухватись за меня.

Махнувъ ему рукой, Государь обратился къ слѣдующему:

— Ты за что?

— Тоже, по наговору, Ваше Императорское Величество... Коробочника подъ деревней зарѣзали и ограбили, а самъ духомъ не вѣдаю...

— Ты? обратился Государь къ третьему.

— По злобѣ, Ваше Величество! Сосѣдъ мѣщанинъ цѣлую пачку фальшивыхъ ассигнацій мнѣ подбросилъ, а на чердакъ занесъ какіе-то печатальные камни... а я, какъ есть, чистъ...

Отговорки угнетенныхъ невинностей видимо прискучили Государю. Окинувъ быстрымъ взглядомъ всю шеренгу преступниковъ, Императоръ остановился на лохматомъ цыганѣ.

— Ты, удалая головушка, конечно тоже по наговору?

— Никакъ нѣтъ, Ваше Императорское Величество, бойко отвѣчалъ цыганъ,—я сижу подѣломъ: у купца лошадку укралъ!

— Лошадку укралъ? переспросилъ Государь съ улыбкою—и тотчасъ же обратился къ губернатору: сію же минуту выпустить этого негодяя на всѣ четыре стороны... Между честными и невинными людьми ему здѣсь не мѣсто, а то онъ ихъ всѣхъ перепортитъ.

Въ другой разъ дѣло было въ Москвѣ. Въ тюремномъ замкѣ содержался года съ два какой-то очень важный преступникъ, чуть ли не дѣлатель фальшивой монеты и, съ тѣмъ вмѣстѣ, бѣглый изъ Сибири. При допросахъ онъ оговаривалъ много людей, ни мало не причастныхъ къ дѣлу, изъ купечества и чиновниковъ; себя же каждый разъ называлъ новымъ именемъ и званіемъ. Князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ, разсказывая Государю Николаю Павло-

ПОРОХОВОЙ

вичу объ этой таинственной личности, выразилъ, что главное затрудненіе слѣдователя и суда—въ раскрытіи настоящаго званія преступника.

— Хочешь, я тебѣ помогу? сказалъ Государь князю Дмитрію Владиміровичу,—и тотчасъ же предложилъ ему ѣхать вмѣстѣ.

Арестантъ находился въ одиночномъ заключеніи. Сопровождаемый княземъ Голицынымъ и всѣмъ тюремнымъ начальствомъ, Государь вошелъ въ казематъ, совершенно неожиданно для заключеннаго. Увидя Императора, онъ сталъ съ своей койки и вытянулся въ струнку.

— Здорово, солдатъ! произнесъ Николай Павловичъ своимъ звучнымъ голосомъ, хорошо знакомымъ нашимъ войскамъ.

— Здравія желаю, Ваше Императорское Величество! крикнулъ узникъ.

— Какого полка?

— Калужскаго пѣхотнаго, втораго баталіона, третьей роты!

— Давно ли въ бѣгахъ?

— Пятый годъ, Ваше Величество.

Оказалось, что это дѣйствительно былъ бѣглый солдатъ. Князь Голицынъ былъ пораженъ удивительной прозорливостью Государя.

— Я съ перваго взгляда угадалъ въ немъ солдата—по выправкѣ, замѣтилъ Николай Павловичъ.—Военная косточка сказывается не только въ бѣгломъ, но и въ любомъ отставномъ, хоть черезъ двадцать лѣтъ послѣ отставки.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛІОТЕКА РОССІИ
19. ГОД

НАУЧНАЯ
МИКРОФОТОГРАФИЯ

Ярославъ 92. Судъ

24 к. 8 д. 7 п. 5 ф

24 ф 91 п. 9 з. 56 д.